

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1961

Г. В. ШИШКИНА

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ СЕЛЬСКАЯ УСАДЬБА ПОД САМАРКАНДОМ

В 1956 и 1957 гг. в течение двух полевых сезонов одним из археологических отрядов Института истории и археологии АН УзССР производились раскопки на городище Кафыр-кала под Самаркандом. Объектом работ автора было тепе, расположенное примерно в 170 м на юг-восток-восток от городища и отделенное от него широким руслом впадающего в Даргом Илансая с обрывистыми лессовыми берегами.

Степная полоса, тянущаяся вдоль левого берега Даргома и сильно изрезанная глубокими оврагами, покрыта самыми разнообразными по размерам и форме тепе, среди которых есть и подобные нашему. Поскольку величина последних незначительна, у местного населения они называются просто тепе и специальных названий не имеют.

К началу раскопочных работ обследуемое тепе¹ представляло собой подквадратный в плане холм (около 36 м в стороне по основанию) с крутыми склонами высотой 7 м и с плоской вершиной (рис. 1). Юго-западный склон был поврежден чабанами, вырывшими здесь два больших помещения для скота. По другим склонам были лишь небольшие ямы, как выяснилось в процессе раскопок, существенно не повредившие сооружения. Вдоль северо-восточного края холма проходит глубокий овраг, выходящий к Илансаю.

Остатки большого здания, почти квадратного в плане (31×29 м²), стоят на пахсовом основании и ориентированы углами по странам света (рис. 2). Хорошо сохранилась центральная часть здания; внешние стены сохранились на небольшую высоту, а с северо-западной и юго-западной сторон размыты до основания. Нами определено, что сооружение имеет несколько периодов существования. План его, в своем первоначальном виде, четко делится на две части. Центральная группа помещений, включающая десять комнат, образует

---

¹ В работе принимали участие в 1957 г. Э. Коржиневич и И. Гусева. Руководитель отряда — О. В. Обельченко.

квадрат со сторонами 18,3 м. Вторая группа из 11 комнат, вытянутых одна за другой в ряд, окружает центральную группу с трех сторон и отделяется от нее узким коридором. Первая группа помещений более монументальна и отличается большой толщиной стен (2 м), в то время как в помещениях за коридором стены, являющиеся одновременно и наружными, гораздо тоньше (1—1,5 м).

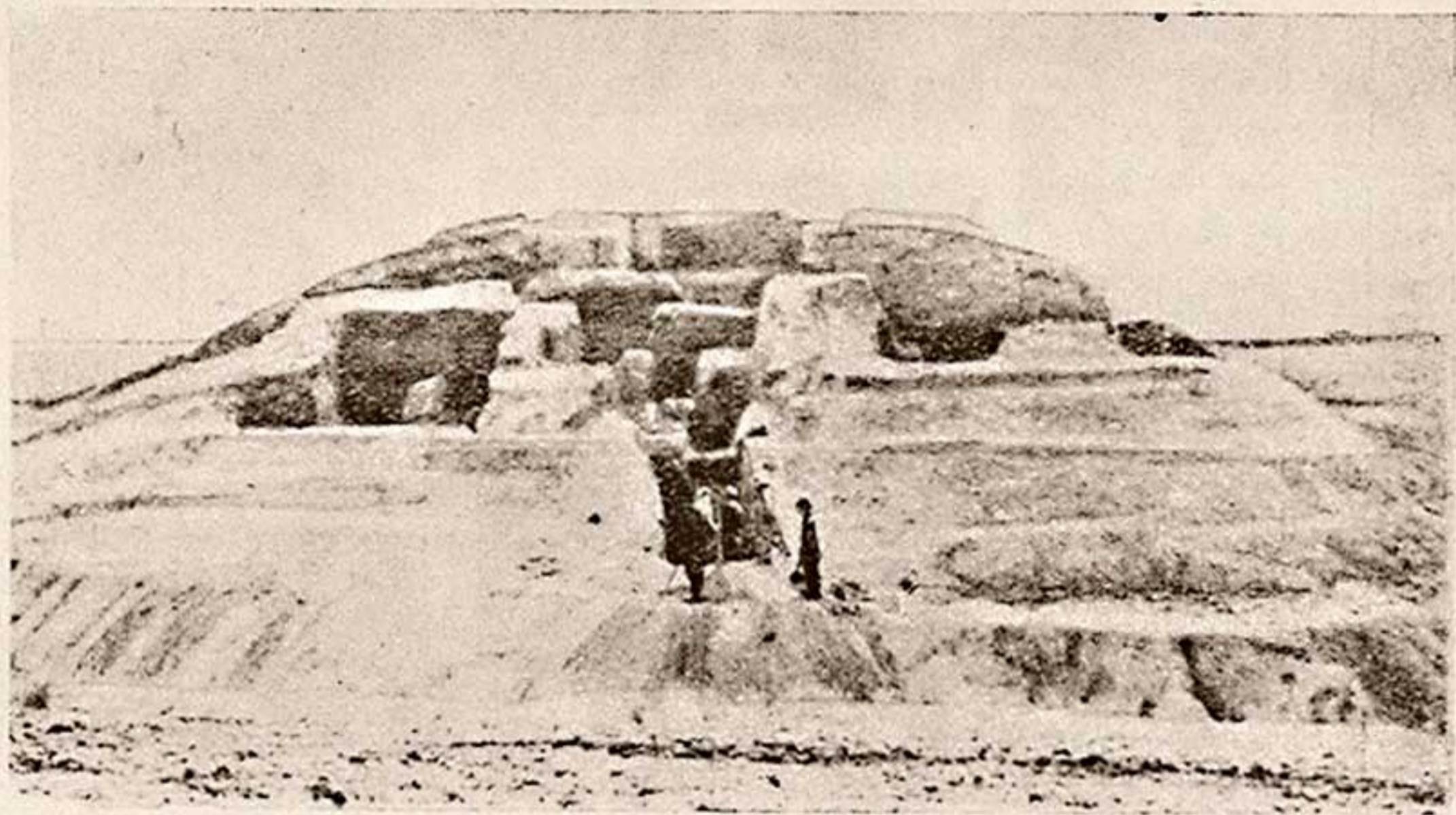

Рис. 1. Вид раскопа с северо-восточной стороны. Сохранены первоначальные контуры холма.

Вся планировка здания, вплоть до мелких деталей, подчинена строгой симметрии. Углы центральной части здания заняты квадратными комнатами $3,3 \times 3,3$ м², дверные проемы которых прорезают угол и обращены к двум внутренним помещениям размерами $7,5 \times 2,2$ м² и $7,5 \times 3$ м². Между двумя угловыми комнатами расположено по одной продолговатой размером $4,2 \times 2,5$ м², сообщающейся с коридором. Симметрия нарушается только массивной кладкой в комнате № 10 и вторым дверным проемом в комнате № 8, так как иначе нельзя было бы попасть во внутренние и угловые помещения. Квадратные и продолговатые комнаты были перекрыты сводами, причем пяты сводов в первых лежат на высоте 3,85 м, а во вторых на 1,8 м. В комнате № 4 кривая свода сохранилась полностью, и высота помещения до замка свода составляет 3 м. Сохранившаяся высота угловых помещений равна 4,95 м, кладка свода отрезками начинается на высоте 4,75 м. Если восстановить кривую свода этих помещений, то высота их будет около 6 м. В двух центральных больших ком-

натах перекрытие, видимо, было плоским, что подтверждается отсутствием в них завалов свода, прослеженных в остальных

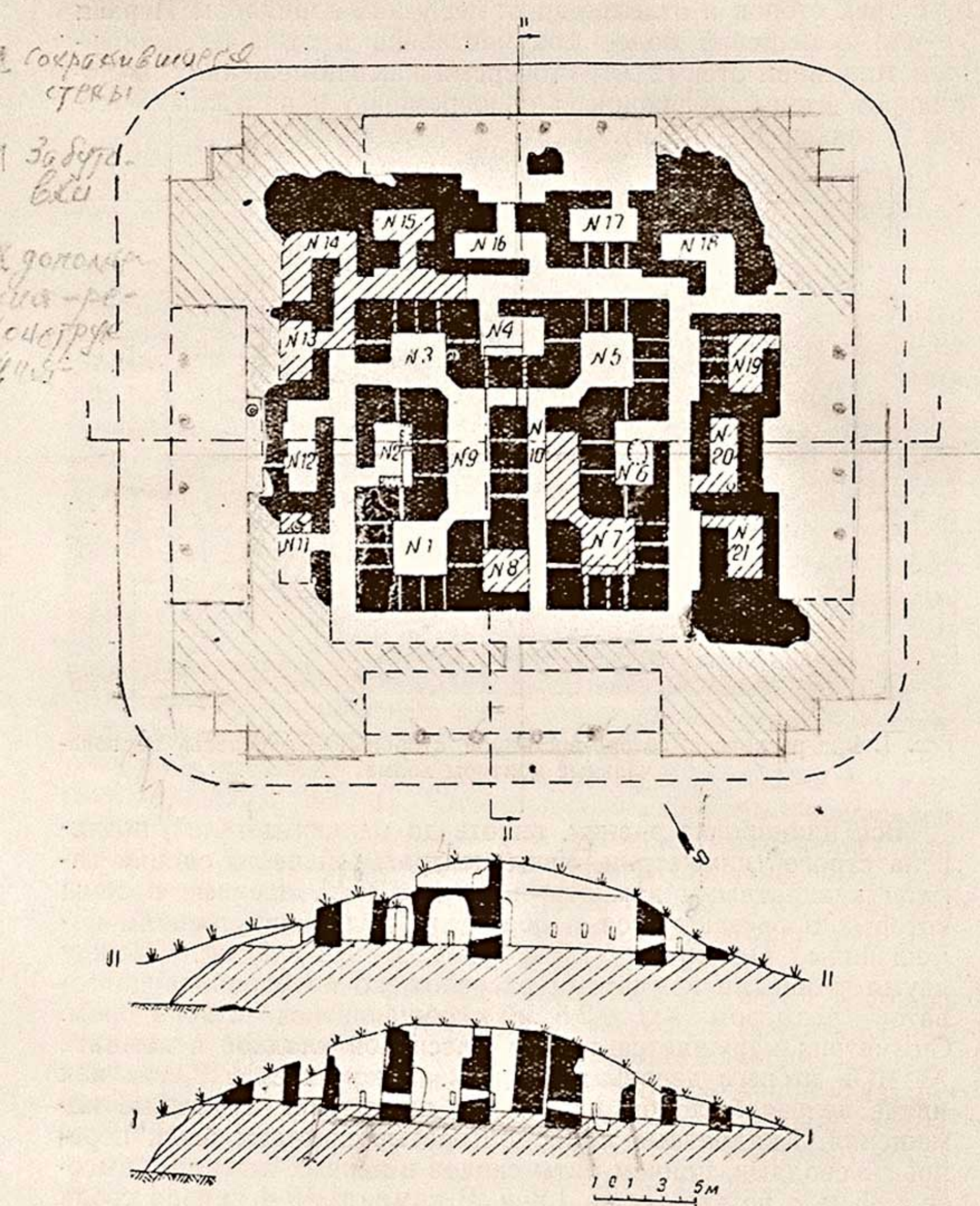

Рис. 2. План и разрезы через здание.

комнатах, и наличием остатков значительного количества дерева на полу комнаты № 9. В пользу плоского перекрытия

этих комнат говорит то обстоятельство, что до высоты 4-х м на стенах их не имеется никаких признаков перекрытия, а на этом уровне они образуют полочку (рис. 2).

Здание имело второй этаж, стены которого сохранились местами на высоту до 0,5 м. Подъем мог осуществляться только из комнаты № 10, где у дверного проема комнаты № 5 к стене пристроен непонятный, на первый взгляд, массив в виде мощного столба. По-видимому, он служил опорой для деревянной лестницы. Второй этаж не мог занимать всей площади центрального квадрата, так как угловые комнаты были настолько высоки по сравнению с другими помещениями, что замки их сводов должны были лежать на уровне перекрытия второго этажа. Только в случае плоского перекрытия над комнатами № 9 и 10 уровни полов во всех остальных помещениях второго этажа могли совпадать. Возможно, над продолговатыми помещениями были только айваны, поскольку их обращенные к коридору стенки не рассчитаны на несение нагрузки стен второго этажа. Скорее всего на втором этаже было два больших вытянутых помещения (над комнатами № 9 и 10) с выходом на четыре открытых айвана. Размеры предполагаемых айванов были больше расположенных над ними комнат за счет внутренней стены, суженной до 0,8 м. Помещения второй группы, располагающиеся за обходным коридором, были одноэтажными, поскольку стены их гораздо тоньше, а толща завалов незначительна. Перекрытия и здесь были сводчатыми. Симметричность в расположении этих помещений соблюдается также строго — по три помещения на каждом фасае и два коленчатых в северном и восточном углах. Вход в здание находится в центре северо-восточного фаса и с северной стороны был оформлен двумя выступами, утолщающими наружную стену. Никаких следов подъема на пахсовую платформу не обнаружено. Вероятно, и здесь существовала деревянная лестница.

Пахсовая платформа, на которой возведено здание, стоит на материковом лессе. Высота ее равна 3,6 м, размеры — 43×43 м², углы закруглены, боковые грани имеют наклон около 60°. Углы здания укреплены мощными контрофорсами из пахсы, имеющими общий с платформой скос. Перед каждым из фасов стена дома и два контрофорса образуют открытую террасу.

О том, что подобная планировка дома не является случайной, а представляет собой уже выработанный тип постройки, свидетельствует не только явная продуманность плана с четким членением его на отдельные части, но и здание, раскопанное С. К. Кабановым в долине р. Кашка-Дарьи (Аул-те-

пе)². Уже внешний вид Аул-тепе до раскопок близок к Кафыр-калинскому тепе (крутые склоны, плоская вершина), приземистость же его по сравнению с нашим тепе объясняется фактическим отсутствием платформы. Платформа Аул-тепе создана за счет рва вокруг площадки, на которой возводилось здание. Сами же здания являются двумя вариантами одного и того же типа сооружений. Принимая во внимание первоначальные планы без учета позднейших перестроек, оба здания обводным коридором делятся на две части: центральный квадрат и окружающий его с трех сторон ряд помещений. В Аул-тепе подъем на второй этаж осуществлялся из помещения центральной части дома и, видимо, только над ней и был возведен. Наружные углы Аул-тепе также укреплены массивной кладкой. Несмотря на почти одинаковые размеры (разница в 1—2 м), кафыр-калинское здание отличается большей монументальностью и более усложненным планом. Кроме того, оно было выше на 3,5 м за счет пахсового основания.

Отличительной особенностью кафыр-калинского здания является обилие узких щелевидных продухов, прорезывающих стены. Наличие продухов предусматривалось при планировке. Об этом свидетельствует выведение их от основания стен, лежащего ниже уровня пола на 1 м. Часть продуха, находящаяся под полом, закладывалась обломками кирпича и нижняя плоскость его делалась наклонной, так что отверстие продуха с одной стороны стены приходилось на высоте 0,5 м от пола, а с другой — на уровне пола. Продухи имели ширину 0,2 м, а высоту в зависимости от направления наклона — 0,5 и 1 м. В распределении продухов соблюдена также строгая симметрия. В угловых квадратных комнатах центральной группы их было девять. Стены, смежные с коридором, прорезывают три продуха на расстоянии 1 м друг от друга с наклоном в сторону коридора, в двух других стенах было по одному продуху с наклоном в сторону продолговатых помещений.

Кроме восьми продухов, расположенных в нижней части стен, один прорезывал правую, противоположную входу стену под пятой свода с наклоном в глубь комнаты. Такие продухи в верхней части стен были только в угловых помещениях по одному в каждом (рис. 3). В продолговатых помещениях, кроме двух продухов, ведущих в квадратные комнаты, в стене, противоположной входу, располагается еще два с расстоянием между ними около 2 м. Здесь все четыре продуха имеют наклон в сторону комнаты. В стене, разделяющей комнаты

---

² О. К. Кабанов, Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан), СА, 1958, № 3, стр. 144—151.

№ 9, 10, три продуха почти не имели наклона. Всего в центральной части дома было 46 продухов. За обводным коридором продухи прослеживаются только в трех комнатах. Больше всего их в комнате № 17. Здесь они расположены в два яруса в шахматном порядке с наклоном в глубь комнаты (рис. 4): три в нижнем ряду и два в верхнем. В комнате № 19 три продуха находятся в нижней части стены, а в № 12 один — в наружной стене.

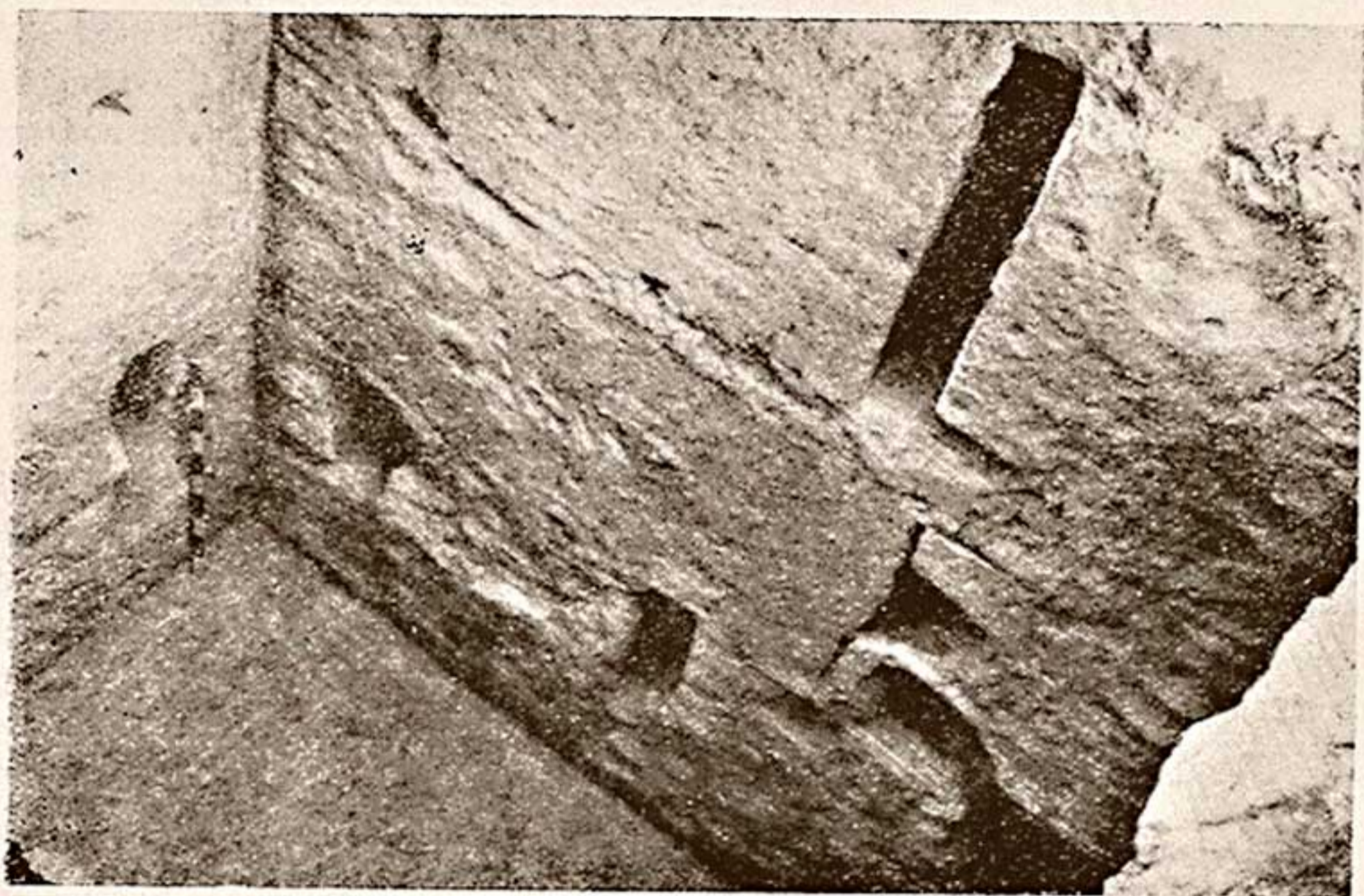

Рис. 3. Продухи в комнате № 5.

Что можно сказать о назначении этих многочисленных продухов? Пол комнаты № 17, особенно в части, примыкающей к стене с продухами, и низ этой стены сильно обожжены и закопчены. Вся поверхность пола покрыта слоем золы с угольками. Большое количество золы с углем находится и за пределами помещения на террасе. То же самое можно сказать и о комнате № 19, где вокруг продухов обгорели и закоптились несколько слоев штукатурки.

Следует отметить, что в связи с «грязной» функцией этих комнат, вход в них располагался не со стороны коридора, как в остальных, а со стороны террасы, причем от главного входа в дом вход в семнадцатую комнату отделен еще дополнительной стенкой. По-видимому, оба помещения № 17 и 19 служили отопительными камерами, где разжигался огонь, при этом продухи должны были закрываться, чтобы копоть и угар не могли проникнуть в жилые помещения. После того, как

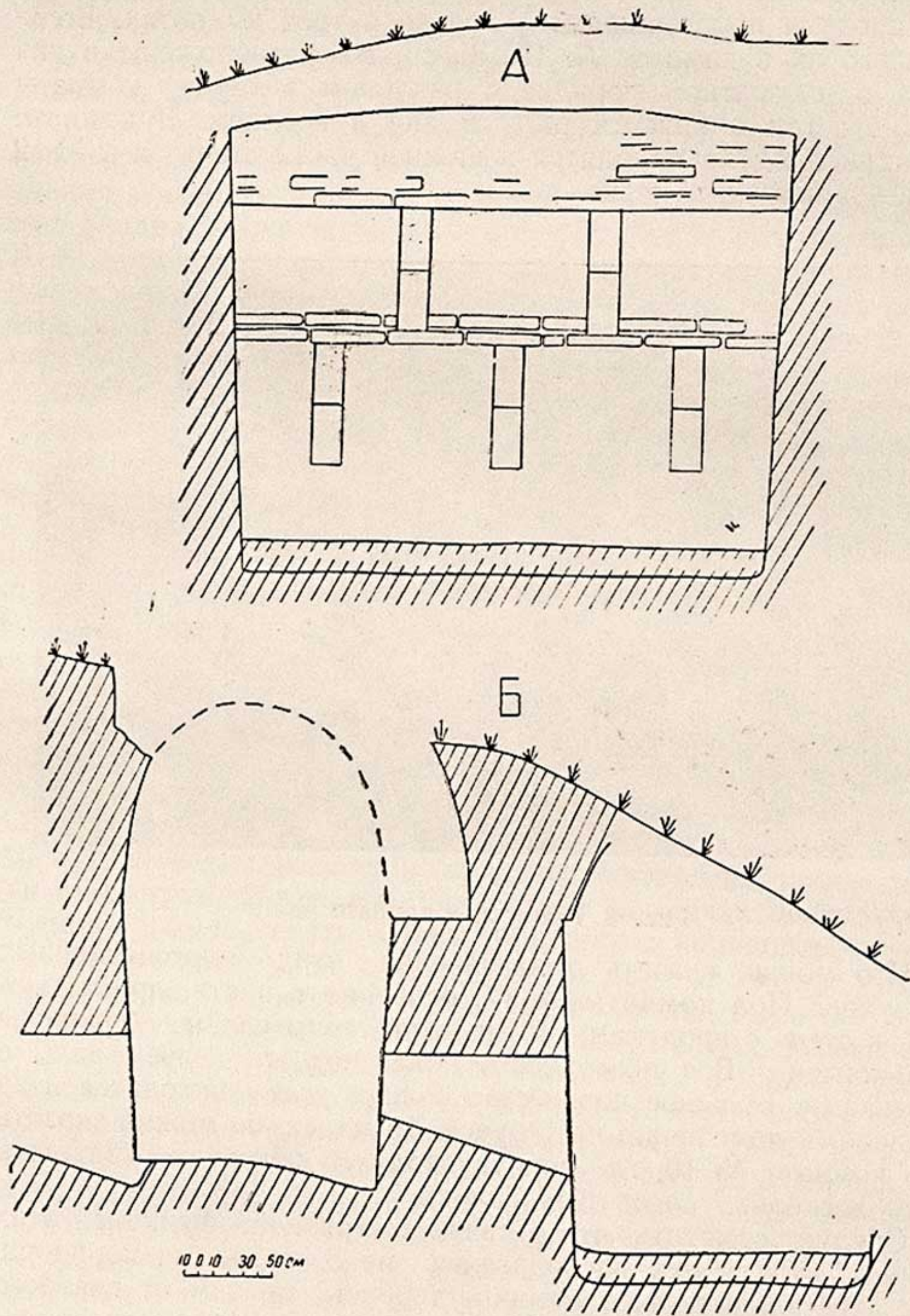

Рис. 4. Стена комнаты № 17 с продухами (А) и разрез через комнату № 17 и коридор (Б).

из кардифа?

топливо прогорало, продукты открывались, и горячий воздух от тлеющего угля распространялся по всему дому, угарный же воздух вытягивался через продукты под сводами.

Полы комнат № 17 и 19 значительно ниже полов всех остальных помещений и коридора, что сделано для того, чтобы продукты отопительных и отапливаемых комнат не были на одном уровне (см. рис. 4).

Для дополнительного же обогрева помещений применялись, возможно, переносные жаровни с горячим углем. Фрагменты жаровен из слабообожженной глины с прямым бортиком найдены в нескольких продуктах, а на участках стен, прилегающих к последним, ясно заметны следы огня (но не копоти). Во второй период существования дома, когда были произведены значительные переделки, в комнате № 2 около двух оставшихся незаложенными продуктов были вырыты прямоугольные углубления (глубина 10 см), поверхность которых обожжена без следов копоти. Они выполняли роль жаровен и обогревали смежные комнаты № 1 и 3. Один продукт в стене, противоположной входу, не функционировал. К нему примыкала суфа.

Если предположение о назначении продуктов считать правильным, то такая система отопления обнаружена впервые. Возможно, нечто подобное было на городище Тали-Барзу, расположенном в нескольких километрах от нашего тепе, правда, в слое, относящемся к более позднему времени (слой Тали-Барзу VI). Г. В. Григорьев пишет о непонятой им отдушине, которая, прорезывая стену не на всю толщину, «на

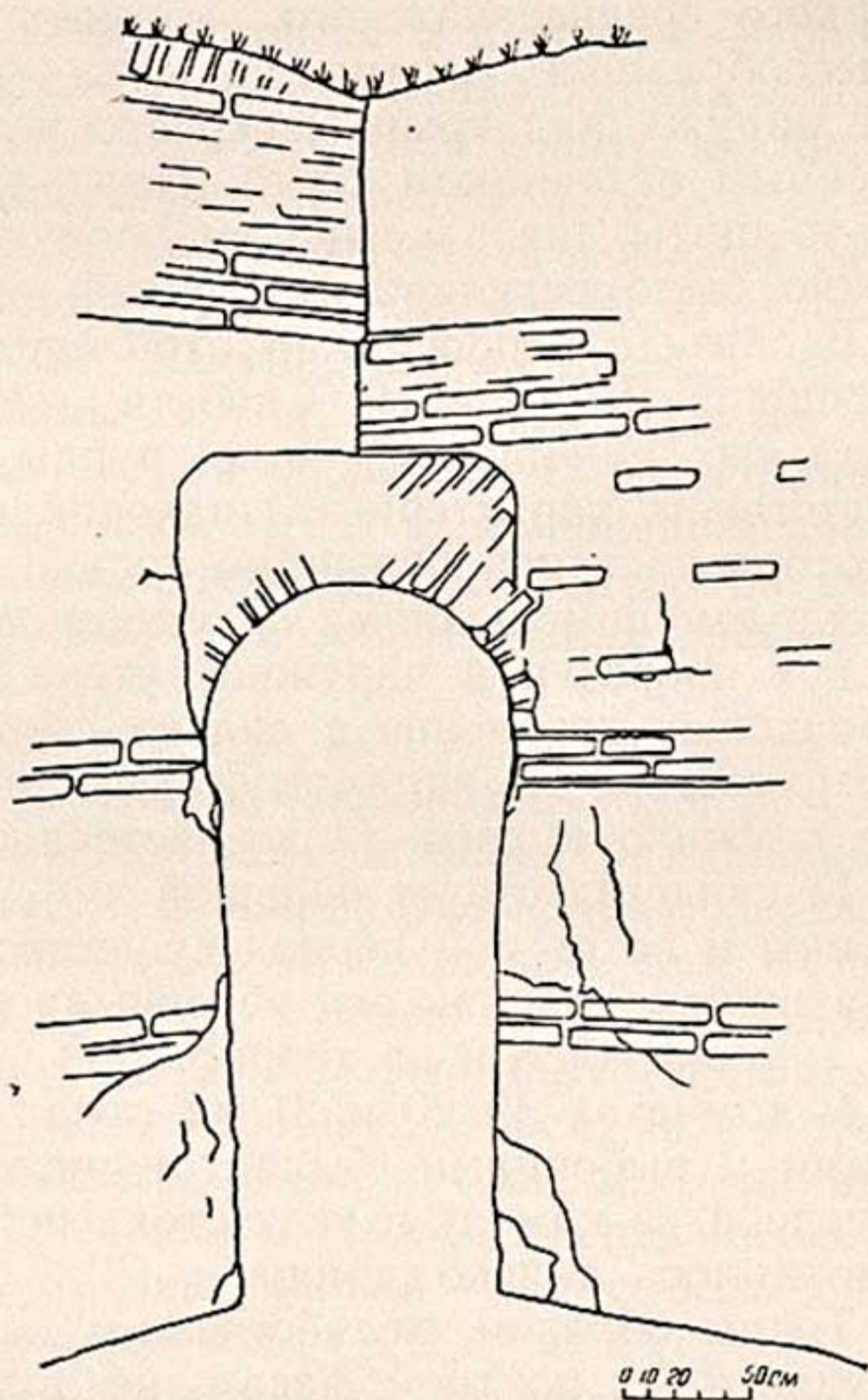

Рис. 5. Арка углового дверного проема.

глубине 50 см поворачивала под прямым углом и выходила в проход»³.

Продухи, по-видимому, предназначались не только для отопления, но и для вентиляции летом. В тех комнатах, где стены сохранились на значительную высоту, после расчистки продухов стал чувствоваться сильный сквозняк. В условиях жаркого среднеазиатского климата такое устройство было целесообразным. Верхние продухи угловых комнат, выходящие наружу над крышей первого этажа, служили также единственным источником света. Надо думать, существовали какие-то щиты для закрывания продухов, с помощью которых можно было регулировать приток воздуха.

В связи с вопросом об отоплении выяснилось назначение помещений № 17 и 19. Сказать что-либо определенное об остальных помещениях этой группы очень трудно в связи с отсутствием характерных находок и плохой сохранностью некоторых из них. Очевидно только то, что они были хозяйственными помещениями. В одном из них, единственном, где продух прорезан в наружной стене, против продуха сделано небольшое углубление с сильно обожженной и закопченной поверхностью. По-видимому, здесь находился очаг, а помещение служило кухней. О хозяйственном назначении комнаты № 11 свидетельствует большой хум, вкопанный в пол до горловины и во второй период существования здания не использовавшийся, так как его перекрыла ремонтная кладка. Такой же хум оказался и на террасе.

В комнатах № 20 и 21 на полах, местами обожженных, с ямами и выбоинами, была значительная прослойка золы. В первой из комнат в углу стоял небольшой хум, от которого сохранилось только днище.

Таким образом, хозяйственное назначение помещений, расположенных по трем фасадам, не должно вызывать сомнений. Сходство планировки обследованного нами здания со зданием Аул-тепе заставляет предположить одинаковые функции отдельных частей дома. Следовательно, размещение в Аул-тепе кухни и кладовых на втором этаже совершенно не обосновано, тем более, что для этого нет никаких данных⁴. Самой планировкой уже подчеркивается разница в назначении двух групп помещений — жилой (центральной) и хозяйственной.

Все вышеизложенное относится к первому периоду существования здания.

Во второй период были произведены значительные переделки. Тогда были забиты пахсой вперемежку с небрежной

³ Г. В. Григорьев, Отчет о раскопках на городище Тали-Барзу в 1937 и 1938 гг., рукопись Республиканского музея в Самарканде, стр. 6.

⁴ С. К. Кабанов, указ. соч., стр. 149.

кирпичной кладкой три хозяйственных помещения в северном углу и прилегающая к ним часть коридора. К моменту их закладки стены здесь были уже сильно разрушены. Все три помещения юго-западного фаса оказались забутованными. Комната № 7 центральной части засыпана песком с галькой и сверху забита пахсой, а вход в нее загорожен массивной кладкой, примыкающей к стене комнаты и к столбу — опоре для лестницы. Поскольку эта дополнительная кладка поднималась на всю высоту стены или на значительную ее часть, подъема на второй этаж здесь уже не могло быть.

Сырцовым кирпичом были заложены часть комнаты № 8 и дверной проем, соединяющий комнаты № 9 и 10. В угловой части третьей комнаты пробит дополнительный дверной проем в коридор и отремонтированы стенки углового проема. Во второй комнате пристроена суфа и около нее вырыты прямоугольные углубления — жаровни. Полы в помещениях повысились либо за счет глиносаманной заливки, либо за счет забутовки и выстилки сырцовым кирпичем, как в третьей и четвертой комнатах.

Около восточного угла и в центре юго-западного фаса обнаружены следы дверных проемов. Следовательно, в результате всех переделок и ремонтов дом оказался разделенным на три самостоятельные части. Большая часть продухов оказалась заложеной, но комната № 17 сохранила свое назначение. На первоначальном полу к моменту переделки дома скопился значительный слой золы, который был утрамбован и залит глиной с саманом. Этот второй пол носит, как и первый, следы длительно горевшего огня, а слой золы на нем достигает 10 см толщины. Топочная комната обогревала только два помещения (№ 5, 6) центральной части, остальные обогревались жаровнями из комнаты № 2.

Между первым и вторым периодами не могло быть большого промежутка времени (об этом свидетельствуют керамический и строительный материалы), но все же он был достаточным для того, чтобы успели значительно разрушиться стены хозяйственных помещений в северо-западном углу дома.

Основным строительным материалом, использованным при постройке дома и его переделках, были сырцовый кирпич и пахса. Интересно отметить, что кирпичи были сделаны из глины серо-голубого оттенка, в то время как пахса и раствор для кладки — из желтого лесса. При различных комбинациях кирпичных кладок с пахсой получалась своеобразная декорировка стен, оштукатуренных не после постройки, а значительно позднее в связи с ремонтом. Размеры кирпича как в кладке стен, так и в позднейших закладках составляют 47—55 × 25—34 × 8—9 см. Вдоль плоскости кирпича, обращен-

ной вниз, слабым нажимом трех пальцев проведены борозды. Глина для кирпича замешивалась без самана.

Толщина стен составляла 1—2 м. Стены сужаются кверху с наклоном плоскости их около 15°. Обычный вид кладки — это чередование полос пахсы (от 0,5 до 1 м шириной) с одним или чаще двумя рядами сырцового кирпича. В кладке не наблюдается чередования кирпича тычком и ложком, положение его произвольно. Наиболее сложная и декоративная кладка наблюдается в угловых комнатах, где щечковые и щипцовые стены отличаются друг от друга (рис. 6). До пяты свода дверного проема кладка общая для всех стен — нижний, метровый, слой пахсы отделен двумя рядами кирпича от 80-сантиметрового, на котором в свою очередь положены два ряда кирпича. Выше, до пяты свода, щечковые стены сделаны из пахсы. Основание свода выложено из восьми рядов кирпича с очень незначительным напуском. На щипцовых стенах над вторым кирпичным поясом в слое пахсы (1,15 м) уложено три ряда кирпича в шахматном порядке тычком. Выше проходит кладка из четырех рядов кирпича и затем пахса. Комбинированная кладка применялась уже в Кызыл-Кыре Бухарской области⁵ и широко была распространена в раннесредневековой архитектуре Средней Азии — в Аул-тепе⁶, Ак-тепе⁷, Пянджикенте⁸, на Варахше⁹, в Шахристане¹⁰, Хорезме¹¹.

Все своды выложены наклонными отрезками. Полностью кривая свода сохранилась только в четвертой комнате, замок свода низкий (1, 2 м). Судя по остаткам, свод в другой продолговатой комнате тоже был пониженным, но очертания его отличаются от предыдущего. Пяты сводов продолговатых помещений лежат на разных уровнях (разница 0,15 м), ниже со стороны коридора. Еще больше разница в уровнях пят свода наблюдается в самом коридоре (до 25 см). Такой способ уравнивания распора, идущего изнутри здания,

---

⁵ В. А. Нильсен, Кызыл-Кыр, История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 65.

⁶ С. К. Кабанов, указ. соч., стр. 145.

⁷ В. Л. Воронина, Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента, по данным работ 1940 г., Труды Института истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1948, вып. 1, стр. 137, 143.

⁸ В. Л. Воронина, Архитектурные памятники древнего Пянджикента, МИА СССР, М.—Л., 1953, № 37, стр. 102.

⁹ В. А. Шишкин, Варахша, СА, XXIII, М., 1955, стр. 107.

¹⁰ Н. Негматов, Т. И. Зеймаль, Усрушанский замок в Шахристане, СА, 1959, № 2, стр. 242.

¹¹ В. Л. Воронина, Строительная техника древнего Хорезма, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 92 и рис. 10.

применялся в постройках Усрушаны, Хорезма¹², Шаша¹³. Своды в коридоре и остальных помещениях были более высокими, чем в продолговатых.

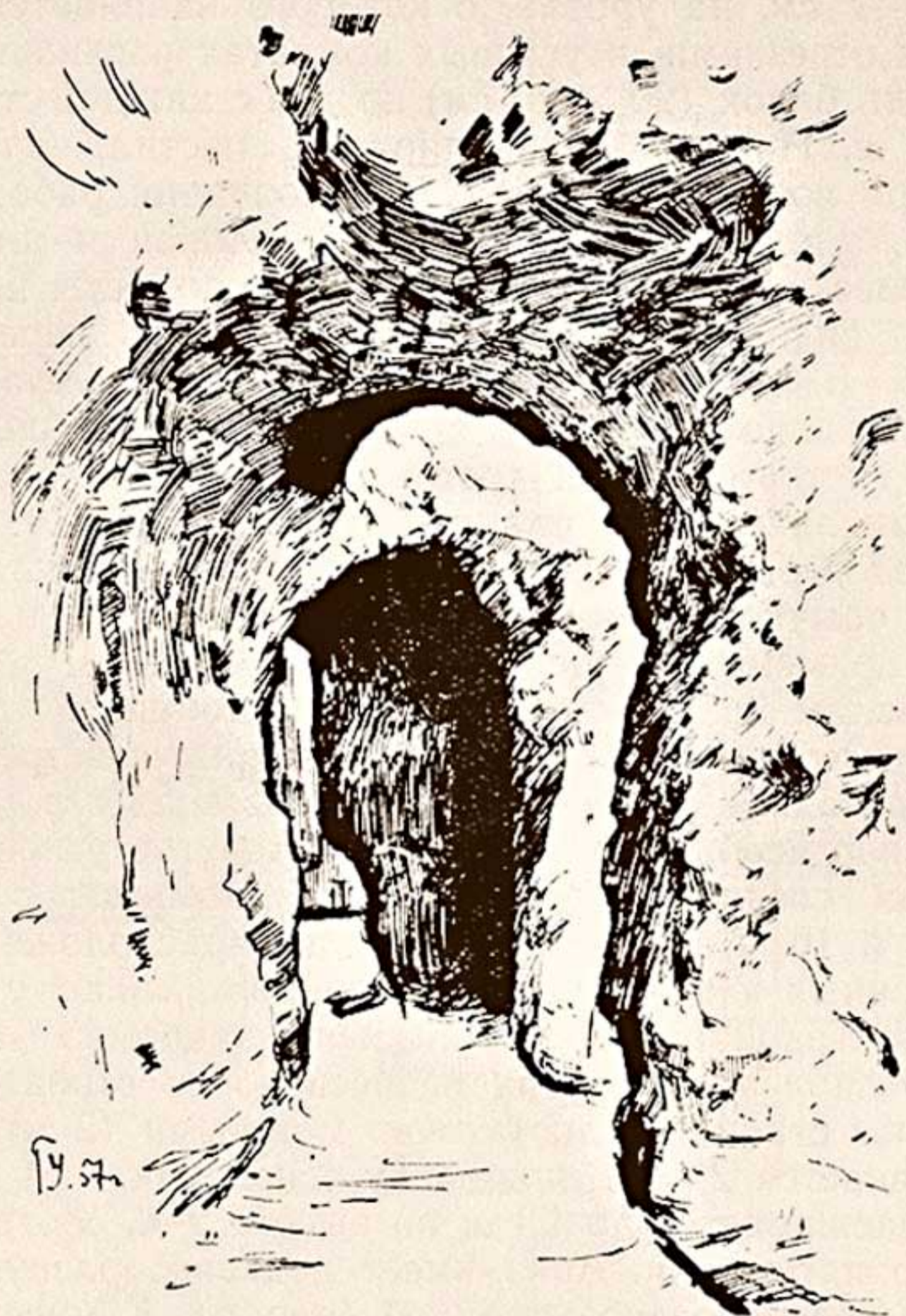

Рис. 6. Переход из комнаты № 9 в комнаты № 10 и 5 (рисунок Г. И. Улько).

Наклон отрезков делался в разные стороны: если в комнате наклон был в одну сторону, то в прилегающей к ней части коридора он был сделан в другую. Квадратные угловые комнаты также перекрывались сводами. По-видимому, купольное перекрытие не было еще освоено среднеазиатскими строи-

¹² В. Л. Воронина, Строительная техника..., стр. 98.

¹³ Она же, Элементы архитектуры замка Ак-тепе близ Ташкента, по данным археологических работ 1941 г., Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 141.

телями или не было достаточно распространено. Во всяком случае, оно известно нам по сооружениям VII в. н. э.¹⁴

Над пятой свода, выступающей по отношению к плоскости стены на 5—7 см, на уровне, с которого начинается кладка наклонными отрезками, в угловых комнатах расчищены квадратные гнезда балок (20 × 20 см) по два с каждой стороны на высоте 4,55 м. На эти балки опирался настил, служивший помостом при возведении свода. По окончании работы балки вынимались, а отверстия забивались глиной и штукатурились¹⁵. В более низких помещениях такие помосты не устраивались, там, видимо, обходились с помощью передвижных помостов. В. Л. Воронина считает, что балки клались для укрепления слишком широкого свода¹⁶. В Ак-тепе ширина помещения с гнездами балок составляет 2,3 м, в обследованном же нами здании ширина помещения — 2,5 м. Причем, никаких следов балок здесь найти не удалось. В кладке сводов, кроме обычного прямоугольного кирпича, в небольшом количестве применялся трапециевидный. Об этом можно судить по завалам во втором и четвертом помещениях и в коридоре, где вместе с обломками такого кирпича встречен один целый длиной 52 см с шириной сторон 32 и 22 см.

Совершенно необычным является устройство угловых дверных проемов, соединяющих квадратные комнаты с помещениями № 9 и 10. Дверные проемы здесь расположены в углах, обращенных к центру здания, и прорезывают стены под углом в 45°. Такой прием значительно экономил полезную площадь. Ослабление же угла не беспокоило строителей, поскольку стены строились достаточно мощными (2 м). Высота проемов равняется 2,75 м, ширина у основания — 1 м. Дверной проем расширяется до 1,1 м на высоте 2 м, соответствующей уровню пяты арки. Арка имеет подковообразную форму и выложена веерообразной кладкой (рис. 5). К массиву, служившему опорой лестнице, сходились три арки (дверного проема комнаты № 5, проема, соединяющего помещения № 9 и 10 и арка между массивом и стеной помещения № 10). Здесь они объединялись и образовывали узкий сводчатый коридор с выходами в комнаты № 5, 9, 10 (рис. 6). Из всей

---

¹⁴ Помещение с купольным перекрытием вскрыто во втором ярусе Ак-тепе. См.: В. Л. Воронина, *Элементы архитектуры...*, стр. 144—146; она же, *Строительная техника...*, стр. 99.

¹⁵ Она же, *Архитектура замка Ак-тепе...*, стр. 142.

¹⁶ На Варахше гнезда балок во многих помещениях были заложены и оштукатурены. В. А. Шишкин (*Некоторые итоги работ на городище Варахша, Труды Института истории и археологии*, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 24) и В. А. Нильсен (*Варахшская цитадель*, там же, стр. 88) считают их гнездами балок, служивших опорой помоста для возведения свода.

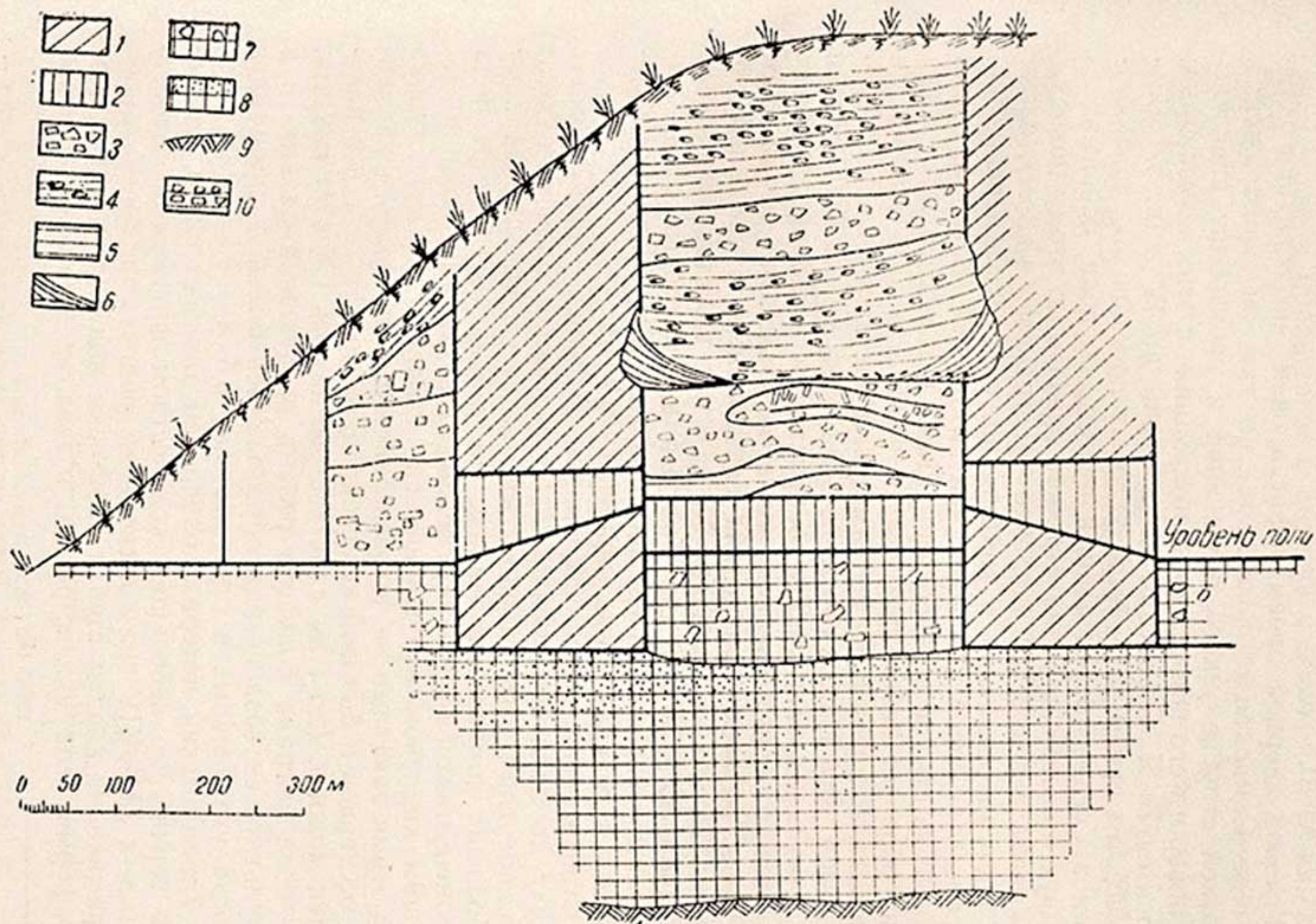

Рис. 7. Стратиграфический разрез через комнату 3 и коридор.

1— стены, 2— закладка продухов и забутовка под вторым полом, 3— завалы, 4— размытые завалы, 5— слой плотной земли, 6— патечные слои, 7— пахсовое основание, пахса с кусками сырцового кирпича, 8— пахсовое основание, пахса с песком, 9— материковый слой, 10— уровень и разбросанные вдоль него кости.

этой сложной конструкции сохранились два дверных проема с перекрытием и незначительные остатки свода на стене помещения № 10.

Угловой дверной проем зафиксирован на городище Кулдор-тепе Самаркандской области, но там он расположен в короткой стороне узкого помещения и производит впечатление поворота его под тупым углом. Здание с этим помещением относится Б. Я. Стависким ко времени до IV в. н. э.¹⁷ Возможно, что прием устройства угловых проемов был распространен в Согде в определенный период, но пока, основываясь на двух примерах, трудно что-либо сказать по этому поводу.

Умение перекрывать широкие пространства (3,3 м), сложная система отопления и комбинации сводчатых перекрытий, говорят о большой квалификации строителей. В то же время ни один из стыков не перевязан. Даже в таких случаях, когда стена образует небольшой выступ в 0,5 м в виде пилона, он приставлен впритык. То же самое явление отмечено А. М. Беленицким для Пянджикента¹⁸. Если этот прием был удобен при стихийных застройках, то при таком четко продуманном и до конца осуществленном плане он объяснения не находит.

Полы во всех помещениях глинобитные, с саманной обмазкой. Только в комнатах № 3, 4 пол выстлан сырцовым кирпичом 50 × 30 × 8 см. Толстые двухметровые стены заглублены относительно уровня пола на 0,8 м, более тонкие — только на толщину двух кирпичей (0,2 м).

Стратиграфия здесь несложная. Большая часть комнат сверху до пола заполнена сильно размытым слоистым завалом, по углам имеется слоистый натек и только на полу небольшие комковатые завалы. На уровне 1—1,5 м от пола в помещениях № 3 и 6 прослеживались завалы с наклонно лежащим кирпичом обрушившегося свода, а непосредственно над этими завалами — человеческие кости и черепа, фрагменты оссуариев и бытовой керамики. В комнатах № 1 и 9 находятся мощные (до 1 м) слои чистого натёка. Следует сказать, что вода сыграла большую роль в разрушении здания, и в результате ее воздействия образовались большие промоины, иногда углубленные в стену до 0,5—0,6 м.

Керамический материал однороден для всех слоев, не считая верхнего с небольшим количеством фрагментов, относящихся к XII—XIV вв. и нескольких фрагментов более ранней керамики из кладки стен и забутовки под полом. Одни и те же формы керамики встречены в завалах, закладках, сделан-

¹⁷ Б. Я. Ставиский, Раскопки городища Кулдор-тепе в 1957 г., Сообщения Государственного Эрмитажа, XV, Л., 1959, стр. 57—59.

¹⁸ А. М. Беленицкий, Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг., МИА СССР, М—Л., 1953, № 37, стр. 56.

ных во второй период, и под обмазкой полов. Керамика представлена значительным количеством форм, среди которых преобладают кубки-чаши и корчаги с носиком. Форма кубков

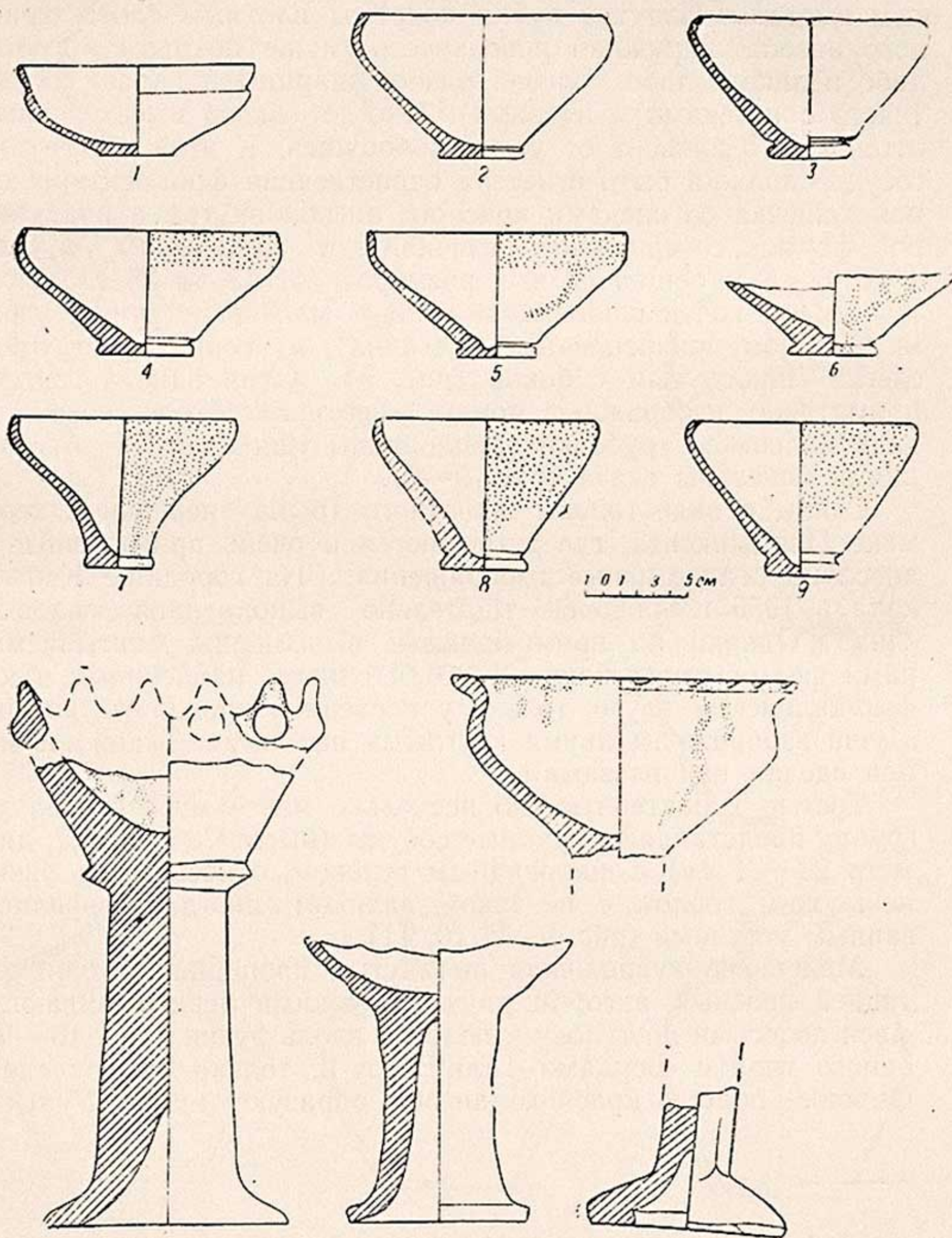

Рис. 8. Кубки, светильники.

приближается к конической (рис. 8). Пропорции их различны: одни более вытянуты, другие приземисты и скорее могут

быть названы чашами. Размеры их варьируют в пределах 7,4—9 см по высоте и 13,2—15,5 см по диаметру. Края либо плавно загнуты внутрь, либо они сделаны вертикальными. Плоский поддон обычно отделен от корпуса глубоким кольцевым вырезом. Изнутри кубки покрыты плотным слоем красного ангоба, наружная поверхность также покрыта ангобом либо целиком, либо полосой разной ширины по краю сосуда (часто с потеками и пятнами). Иногда ангоб имеет черный оттенок, что зависит от условий обжига. К этой же группе сосудов должна быть отнесена единственная фрагментированная чашечка со следами красного ангоба внутри и снаружи, по форме совершенно отличная от конических кубков (рис. 8—1). Горшки разных размеров (от 18 до 35 см высоты) имеют почти шаровидное тулово, маленькие ручки, верхним концом прикрепленные к венчику, и носики раструбом, слегка сплюснутым с боков (рис. 9). Слив одного горшка примитивно изображает морду животного: около носика в виде маленькой трубочки процарапаны уши и двумя углублениями показаны глаза (рис. 9—8).

Сливы в виде головы животного (быка) нередки в керамике Пянджикента, где встречаются и очень примитивные и довольно реалистичные изображения¹⁹. На городище Кафыркала в 1956 г. найдена тщательно выполненная головка-слив²⁰. Однако по примитивности выполнения описываемая нами форма слива ближе всего к сливу, найденному в кафыр-калинском наусе, только у последней проколоты ноздри, а уши изображены двумя круглыми налепами. Такой же налп сделан над глазами²¹.

Третью характерную, но несколько менее многочисленную группу представляют крупные сосуды (высота 33—36 см, диаметр 29—31 см) с шаровидным туловом, относительно узким невысоким горлом с венчиком валиком, иногда профилированным уступами (рис. 9—9, 10, 11).

Маленькие кувшинчики вытянутых пропорций с орнаментацией красным ангобом двумя широкими перекрещивающимися полосами по тулову и полосой вдоль ручки (рис. 10—13) одного типа с сосудами Тали-Барзу-II, только на последних широкие полосы красного ангоба образуют круги. У тех и

---

¹⁹ А. М. Беленицкий, Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.), МИА СССР, М.—Л., 1958, № 66, стр. 128—130.

²⁰ Раскоп, выполненный О. В. Обельченко.

²¹ И. А. Сухарев, Наусы Кафыр-калы, рукопись Института истории и археологии АН УзССР, № 316, рисунок.

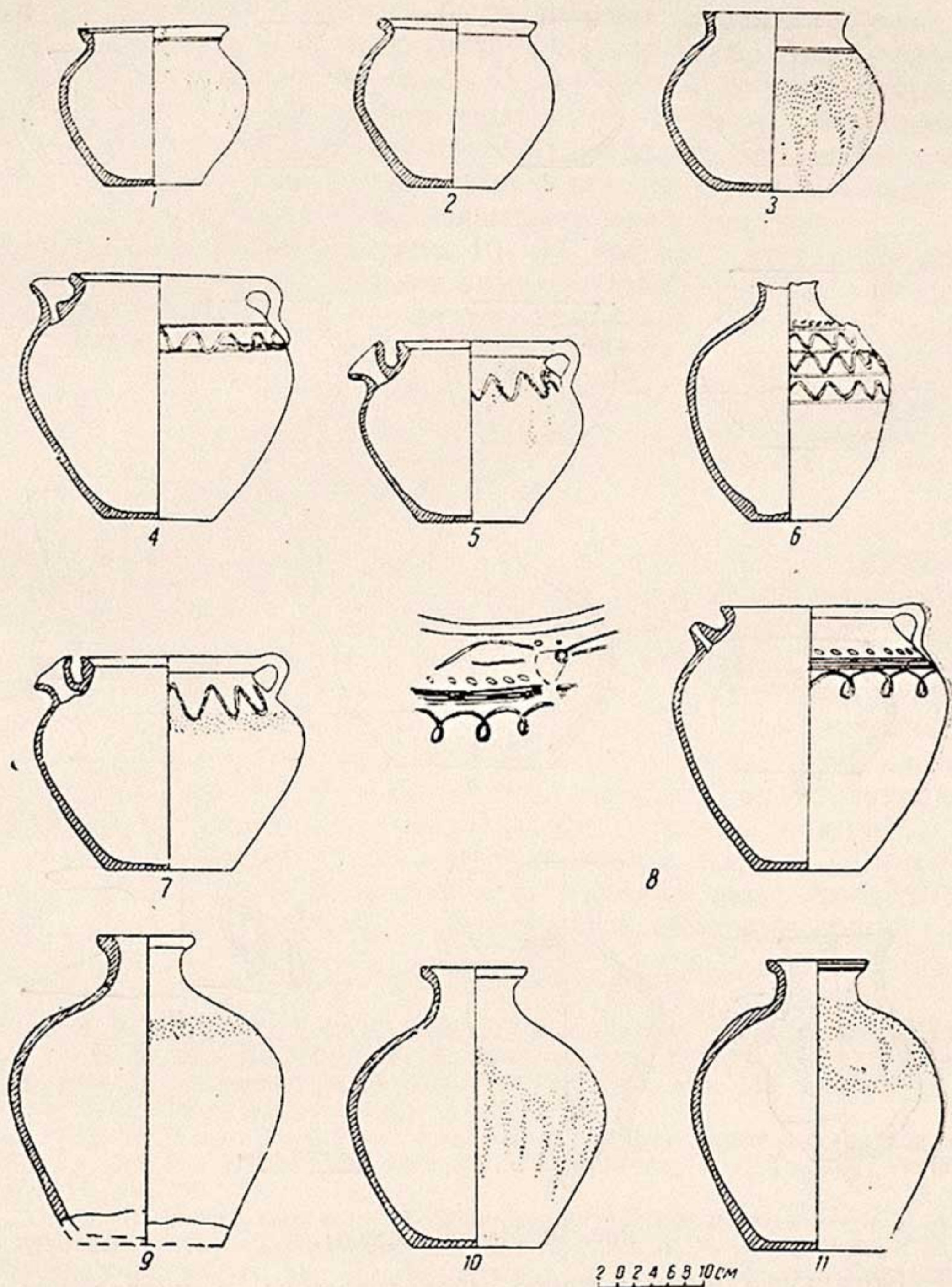

Рис. 9. Крупные сосуды.

у других кувшинчиков переход от тулова к горлышку подчеркнут тремя-четырьмя углубленными линиями²².

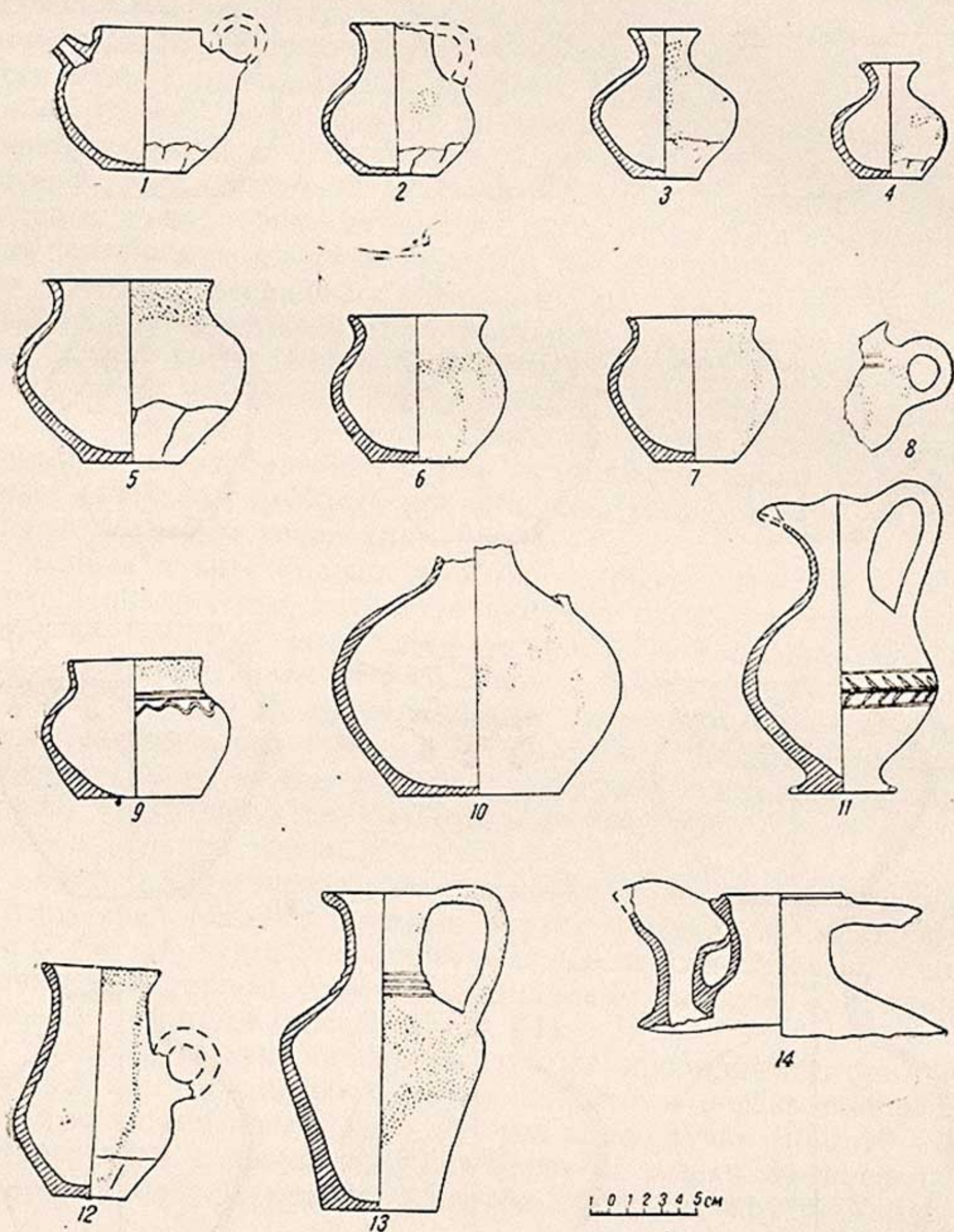

Рис. 10. Мелкие сосуды.

Остальные формы менее многочисленны, а иногда представлены единственным экземпляром (рис. 9—6; 10—2, 8, 11, 12, 14). Среди них один фрагмент кружки с кольцевой

²² Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 93, рис. 3 ж 93; А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК XXXIII, М.—Л., 1950, рис. 69, VII.

ручкой и потеками красного ангоба, найденный в хуме, использованном во второй период. Кружки с кольцевыми и петлеобразными ручками были широко распространены в VII в. в керамике Пянджикента²³, Кафыр-калы, Тали-Барзу²⁴, Ак-тепе²⁵, где являются одной из ведущих форм этого периода. Находка только одного фрагмента кружки среди очень большого количества керамических изделий свидетельствует о только начавшемся распространении сосудов этого типа в период существования изучавшегося нами здания.

Сосудики с носиком (рис. 10—1), так называемые поилки, представлены двумя целыми экземплярами, один из которых измят и оплавлен, т. е. представляет собой гончарный брак. Подобные сосуды разных форм широко были распространены в среднеазиатской керамике со времени до начала нашей эры вплоть до современности. По форме и орнаментации потеками темного ангоба наиболее близка к нашей поилка из Кую-мазарского кенотафа, датируемого II—IV вв. н. э.²⁶

На донце мелких сосудов имеются следы подреза нитью. Более крупные сосуды формировались на песчаной подсыпке, нижняя треть сосудов обрабатывалась ножом. То же самое наблюдается и в керамических изделиях Пянджикента²⁷. Красный ангоб наносился либо поверх светлого, либо непосредственно на черепок (но это делалось значительно реже). Наиболее распространенным является способ нанесения красного ангоба небрежными брызгами по плечу с потеками, реже широкими, пересекающимися полосами, опоясывающими сосуд по плечу или образующими крупные завитки²⁸.

Обычай нанесения пятен на поверхность сосудов был широко распространен в древности и, вероятно, имел определенный смысл. Этот обычай сохранился и в настоящее время.

---

²³ А. И. Тереножкин, Раскопки в кухендизе Пянджикента, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 86, табл. 41, рис. 2; И. Б. Бентович, Керамика Пянджикента, МИА СССР, № 37, 1953, стр. 138, табл. X.

²⁴ Г. В. Григорьев, указ. соч., стр. 96.

²⁵ А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), Труды Института истории и археологии, т. I, Ташкент, 1948, стр. 114, рис. 16.

²⁶ О. В. Обельченко, Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника, Труды САГУ, новая серия СХI, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 128.

²⁷ Б. И. Маршак, Керамика нижнего слоя Пенджикента, «Известия отделения общественных наук ТаджССР», Сталинабад, 1957, стр. 92.

²⁸ В. Ф. Гайдукевич, Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане, СА, XVI, 1952, стр. 336; О. В. Обельченко, Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса, История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1959, рис. 1, 2, 3.

Основываясь на этнографических материалах, Е. М. Пещерева приводит ряд примеров, показывающих, что пятна на различных бытовых предметах имели значение оберега от «сглаза»²⁹.

Керамические изделия из грубого теста с примесью большого количества дресвы представлены выполненными от руки и сформованными на гончарном круге котлами и плоскими с невысоким бортиком сковородами³⁰. Преобладают котлы с вертикальными ручками, имеющими наверху круглое утолщение.

Светильники имеют форму полусферических чаш на полой или частично полой ножке (рис. 9). Чаще всего они хорошо обожжены и вылеплены из глины с примесью дресвы. Иногда обжиг слабый и черепок крошится. Светильники орнаментированы также пятнами и потеками красного ангоба. Подобные светильники типичны для материалов V в. в Кашка-Дарье³¹ и Сурхан-Дарье³².

Двумя экземплярами представлены подставки из сырой глины, обожженной только в процессе пользования ими. Форма их напоминает массивный широкий рог, на противоположных узких сторонах которого имеются круглые углубления. Совершенно аналогична им подставка из Шурабашата Ферганской долины с той лишь разницей, что углубления здесь расположены на широкой стороне.

Наиболее близкие аналогии описываемым керамическим изделиям обнаружены в Тали-Барзу. Сосуды со сливом и маленькой ручкой характерны для слоя Тали-Барзу-III, а вышеописанные маленькие кувшинчики связывают наш комплекс с комплексом Тали-Барзу-II. Однако форма кубков наиболее характерна для Тали-Барзу-IV³³, так как в предшествующем ему слое поддон менее четко отделен от корпуса и не выступает в стороны по отношению к стенкам. Опираясь на этот материал и учитывая появление кружек, — формы, не получившей распространения раньше VI в., — керамику из описываемого здания следует датировать V—VI вв. н. э.

²⁹ Е. Н. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 79—81.

³⁰ Глиняные сковороды для печения блинов бытуют сейчас в Таджикистане; там же, стр. 45.

³¹ С. К. Кабанов, указ. соч., стр. 149, рис. 7.

³² Л. И. Альбаум, Некоторые культовые предметы из раскопок Балалык-тепе. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, XXX, М., 1958, стр. 74—77; он же, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 75, рис. 52.

³³ Кубки, аналогичные ТБ-IV, найдены в одном из слоев городища Кулдор-тепе: Б. Я. Ставиский, М. Х. Урманова, Городище Кулдор-тепе, СА, 1958, № 1, стр. 234.

Керамика, найденная в наусах Кафыр-калы с оссуариями и согдийскими монетами, датированными. И. А. Сухаревым VII в., представлена фрагментами корчаг со сливами того же типа, что и наши. Но в материалах из наусов уже намечаются признаки перехода к тому периоду, когда для керамики Кафыр-калы становится обычной слюдяная обсыпка Тали-Барзу-V (один фрагмент и овальная крышка оссуария из науса покрыта слюдой)³⁴. Палочка для крышки на одном из фрагментов корчаги со сливом указывает на более позднее время, чем наши материалы. В таком случае слой ТБ—V не может быть датирован временем раньше VII в. н. э.³⁵. Исследованное нами здание связано с Аул-тепе не только сходством керамики, но и керамических изделий. Оба комплекса имеют свои особенности. Однако одни и те же ведущие формы — конические кубки, корчаги со сливами и маленькой ручкой, светильники на полой ножке³⁶ — свидетельствуют о единстве культуры. К этому можно добавить котлы одной формы с нашими из соседнего с Аул-тепе Таш-тепе³⁷.

В нижнем слое Пянджикента обнаружены те же формы корчаг со сливами и конических кубков, но венчики корчаг, как правило, сделаны с уступом для крышки, а кубки встречаются единичными экземплярами³⁸. Однако в орнаментации красным ангобом обнаруживается большее сходство с пянджикентскими керамическими изделиями, нежели с аул-тепинскими. Очень близки нашим материалам материалы одного из слоев Кала-и-Муг: корчаги со сливом, конические кубки, очажные подставки³⁹.

Описываемый комплекс керамических изделий имеет общие черты с ак-тепинским из нижнего слоя VI—VII вв. Особенно сближает их орнаментация пятнами с потеками жидкого коричневатого (Ак-тепе) ангоба. Другие способы орнаментации на изделиях из Ак-тепе почти совсем отсутствуют⁴⁰.

Интересные результаты дает сопоставление керамических форм исследованного нами комплекса с керамическими изделиями Кызыл-кыра, относящимися ко времени его возведения.

³⁴ И. А. Сухарев, указ. соч., стр. 20.

³⁵ А. И. Тереножкин, Согд и Чач, ҚСИИМК, XXXIII, стр. 153 и рис. 69, X.

³⁶ С. К. Кабанов, Согдийское здание..., стр. 149, 150, рис. 7, 8.

³⁷ М. Д. Корзухина, Л. П. Матвеева, Отчет о раскопках городища Таш-тепе в районе будущего Чим-Курганского водохранилища, рукопись, стр. 18.

³⁸ Б. И. Маршак, указ. соч., стр. 195.

³⁹ Б. Я. Ставиский, Археологические работы в бассейне Магнан-Дарьи в 1957 г., Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. СIII, Сталинабад, 1959, стр. 76—78, рис. 6.

⁴⁰ А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 117.

Здесь преобладают чаши и кубки с полосой красно-коричневого ангоба по краю, горшки со сливом и маленькой ручкой и большие кувшины без ручки с потеками темного ангоба⁴¹. Правда, чаши и кубки в верхней части имеют перехват (впрочем, как и единственная чашка из обследованного здания), горшки со сливом — полочку для крышки, кувшины — более широкое дно. Сочетание одних и тех же форм в керамике кафыр-калинского тепе и Кызыл-кыра не может быть случайным и вводит последний в один культурный круг с памятниками тогда.

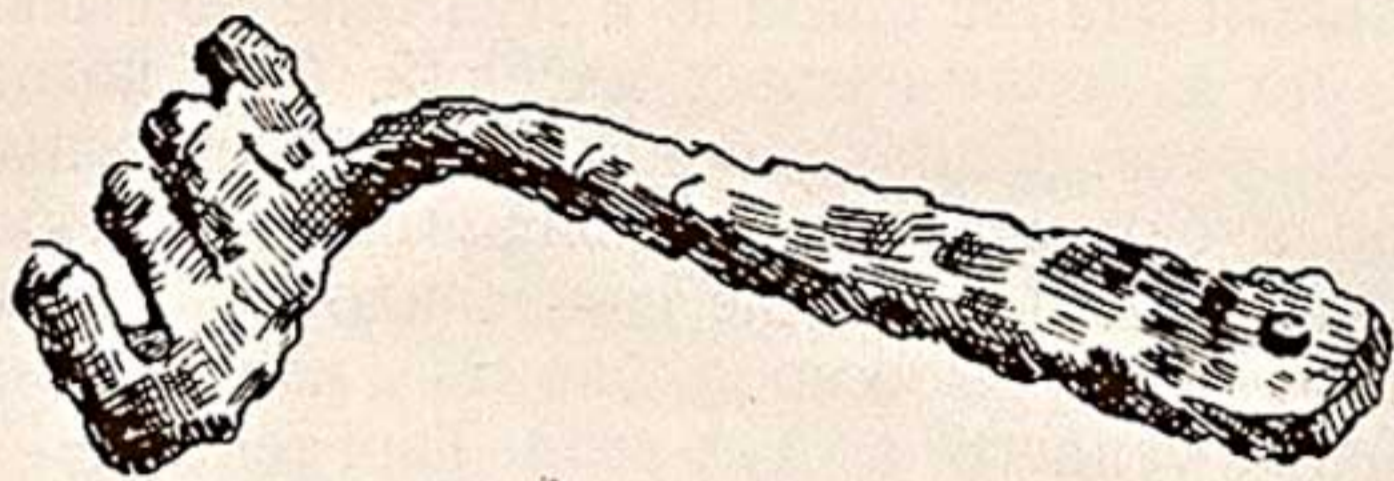

Рис. 11. Железный ключ.

К первому периоду существования дома относится интересная находка железного ключа (рис. 11) в песчаной засыпке седьмой угловой южной комнаты. Бородка ключа (4 см) в виде четырех зубцов высотой 1,5 см располагается перпендикулярно к плоскому стержню (длиной 9 см, толщиной 0,6 см), расширяющемуся к концу с небольшим отверстием для подвешивания. Насколько известно, это вторая находка такого ключа на территории Средней Азии. Первая была сделана в 1947 г. в Пянджикенте⁴². Пянджикентский ключ имеет те же размеры и форму и отличается только количеством зубцов. Находка на территории Средней Азии двух ключей, сходных с изображенным на Бия-Найманском оссуарии, устраняет сомнение А. Я. Борисова⁴³ по поводу назначения предмета, определенного Б. Н. Кастальским⁴⁴ и А. Калмы-

⁴¹ В. А. Нильсен, Кызыл-кыр, История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, стр. 76. Его же доклад на заседании Отдела археологии Института истории и археологии АН УзССР, существенно дополняющий статью в интересующей нас части.

⁴² А. М. Беленицкий, Находка железного ключа в Пянджикенте, КСИИМК, вып. XXIX, М.—Л., 1949, стр. 100—105, А. М. Беленицкий, Железный ключ из Пянджикента, МИА СССР, М.—Л., 1950, № 15, стр. 221—223.

⁴³ А. Я. Борисов, К истолкованию изображений на Бия-Найманских оссуариях, ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 43. Борисов считал это изображение деталью оросительного сооружения.

⁴⁴ Б. Н. Кастальский, Бия-Найманские оссуарии, ПТКЛА, т. XIII, приложение, Ташкент, 1909.

ковым⁴⁵ как ключ. Б. Н. Кастальскому пришлось обращаться за слишком далекими аналогиями — в Новгородскую деревню XX в.

Рис. 12. Терракотовые фигурки и налел с оссуария.

Железные ключи той же формы, что и описываемый, применялись к внутренним деревянным замкам с «желудями» в Новгороде X—XI вв.⁴⁶ Конструкция замков с «желудями» и железные и деревянные ключи к ним в близких один к другому вариантах имели очень широкий ареал распространения

⁴⁵ А. Калмыков, Открытия Б. Н. Кастальского «Бия-найманские оссуарии», ПТКЛА, т. XIII, стр. 52, Ташкент, 1909.

⁴⁶ Б. А. Колчин, Хронология новгородских древностей, СА, 1958, № 2, стр. 96.

в течение длительного времени. В Египте они были известны уже в XIII в. до н. э., до V в. до н. э. бытовали в Греции⁴⁷, а в горном Таджикистане⁴⁸, Бухаре, деревнях Эстонии, Латвии, Польши, Чехии, Кипра они применяются и ныне.

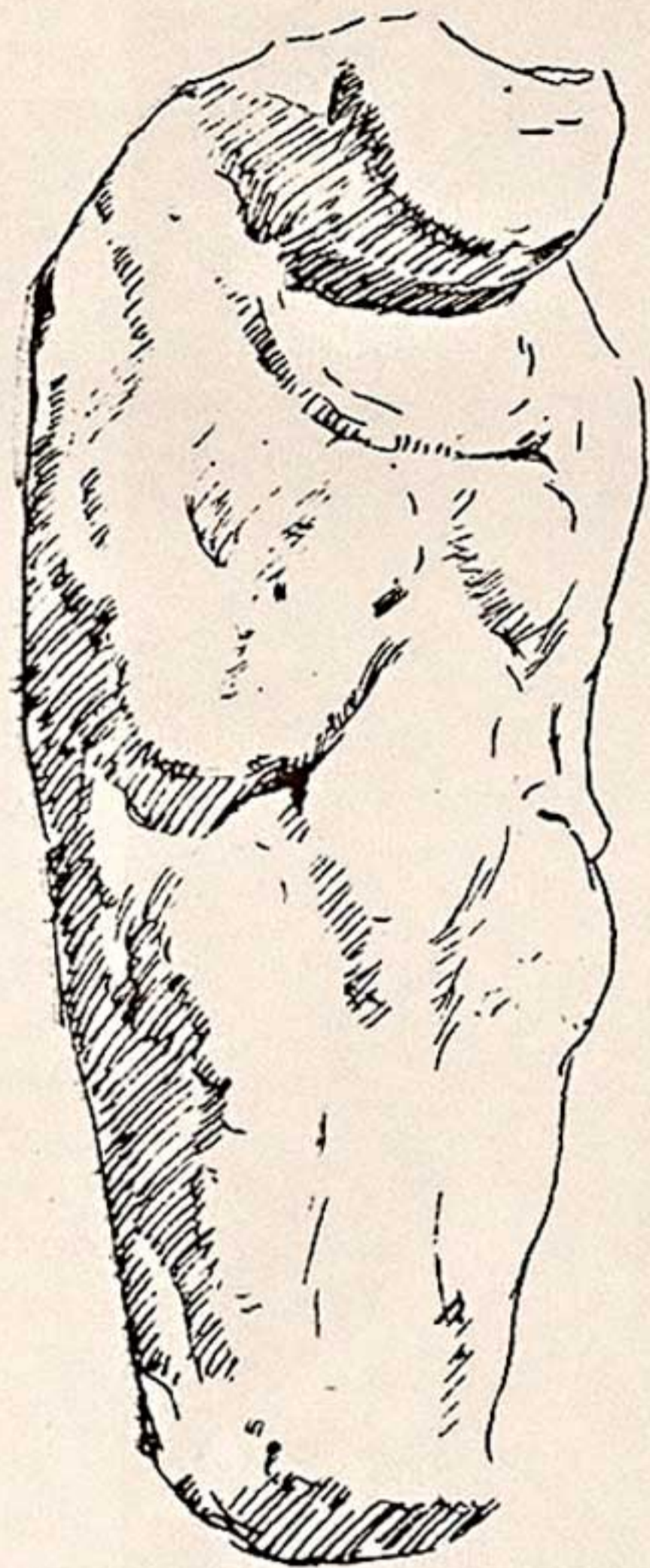

Рис. 13. Терракотовая фигурка сидящей женщины.

Широко распространены были фигурки животных из обожженной глины. Найдено шесть фрагментированных фигурок, четыре из которых изображают лошадь (рис. 12), одна — головку верблюда. Одним фрагментом представлено хищное животное из породы кошачьих с разинутой пастью, высунутым языком и двумя торчащими клыками, причем один клык изображен на нижней челюсти, а другой — с противоположной стороны на верхней (рис. 12). Животное в упряжке, по-видимому, изображает гепарда.

В верхних слоях обнаружены две терракотовые статуэтки, изготовленные с помощью штампов. Одна из них размером в 12 см изображает сидящую женщину, правая рука которой лежит на бедре, а левая поддерживает грудь (рис. 13). Лицо округлое, голова большая, верхняя часть ее отбита. На шее у нее ожерелье. Женщина изображена, по-видимому, обнаженной. Поверхность статуэтки сильно испорчена, терракота

слоится и лишь местами сохранился красный ангоб. Другая фигурка значительно меньше. Сохранилась только верхняя часть по пояс (рис. 12). На голове — убор типа кокошника, в ушах — крупные серьги, на шее — ожерелье. Обе руки

⁴⁷ Г. Дильс, Античная техника, М.—Л., 1934, стр. 51—53.

⁴⁸ Г. А. Пугаченкова, Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда, «Известия отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. II, Сталинабад, 1952, стр. 61. Изображение ключа от «желудевого» деревянного замка вошло в очень распространенный чулочный орнамент горных таджиков. См.: М. Андреев, Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, Ташкент, 1928, стр. 24.

согнуты в локтях на уровне груди. Правая рука держит конический кубок той же формы, что и в керамическом материале, левая — непонятный предмет. Статуэтка была покрыта красным ангобом, от которого остались только следы.

Большая часть ручных жерновов, многочисленных пряслиц и грузил относится ко второму периоду. К первому периоду можно отнести только два грузила и чернолощенное прясло с рубчатой поверхностью, найденные на полу заложённых комнат № 13, 20, 21. Одно из грузил в форме четырехгранной усеченной пирамиды имеет следы плотного красного ангоба, другое — каплевидное из плохо обожженной глины — ничем не отличается от такого же из Хайрабад-тепе⁴⁹. На полу двенадцатой комнаты недалеко от очага лежали вместе два прясла из круглых плоских галек, подвеска из белой гальки асимметрично расположенным отверстием, грузик из гальки неправильной формы и три необработанные гальки. На полу юго-восточной террасы в углу около выступа стены были найдены также маленький сосудик, два прясла, сделанные из гальки, три из обожженной глины и три из ножек ранних, по отношению к данному комплексу, кубков. Два грузила сделаны из ножек красноангобированных кубков-ваз.

Найденная в завалах тщательно отшлифованная подвеска из пестрой красновато-коричневого оттенка гальки аналогична подвеске из Балалык-тепе (не отличаясь от нее даже формой отверстия) и подвескам, изображенным там же в настенных росписях⁵⁰.

В центральной части дома определенные слои комнат № 1, 3, 9 (в части, примыкающей к третьей) и № 6 насыщены находками фрагментированных оссуариев, человеческих черепов и костей, а также бытовыми керамическими изделиями. Незначительное количество фрагментов оссуариев и раздробленного черепа обнаружено в комнате № 5, а случайные обломки нескольких оссуариев найдены в верхних слоях вместе с керамикой XII в.

Наибольшее количество оссуариев было в комнате № 6 в слое сильно размытого рыхлого завала на глубине 1—3 м. Среди обломков оссуариев попадались разрушенные и фрагментированные кости человека. На глубине около 3 м в разных положениях один около другого лежали семь черепов и большой, перевернутый кверху дном, горшок. Черепа и горшок сохранили свою форму. Расположение фрагментов оссуариев и костей в этой комнате свидетельствует о том, что ос-

⁴⁹ Материалы из раскопок, произведенных Л. И. Альбаумом.

⁵⁰ Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 100, рис. 81, 118.

суарии, поставленные на втором этаже, с обрушением свода падали вниз, равномерно распределяясь по всей толще завалов (над завалом свода с хорошо прослеженным наклонно лежащим кирпичом). В остальных трех комнатах картина иная: к моменту появления здесь оссуариев над полом появились завалы и натеки. Особенно четко картина разрушения видна в комнате № 3 (рис. 8), где над уровнем второго пола прослеживается несколько слоев разрушения свода. Над завалами свода виден четкий горизонтальный уровень, с которого началось интенсивное разрушение стен дождевыми водами. На этом уровне и находились разбросанные по всей площади комнаты тазовые кости, позвонки, фаланги пальцев, нижние челюсти и два черепа — детский и взрослого человека. Здесь же стояли два совершенно целых горшка (рис. 10—1, 2), в одном из которых было семь астрагалов, а в другом — галька кубической формы. В юго-западном углу комнаты кости человека перемешаны с обломками хума, двумя фрагментами оссуария и нижними челюстями собак. находка челюстей собак (при отсутствии остальных ее костей) вместе с оссуариями и человеческими костями, видимо, можно объяснить той ролью собаки, какую она играла в погребальном обряде зороастрийцев. Нижние челюсти собак были найдены в суфах вместе с бытовой керамикой⁵¹ в предполагаемом зороастрийском святилище на Балалык-тепе.

В не тронутой чабанами части комнаты № 1 человеческий череп, кости, крышка оссуария и фрагменты бытовой керамики лежали в промоине стены на метровом слое натека. В эти комнаты кости попали уже спустя какое-то время после разрушения кровли и кем-то нарочито разбросаны. Признаки преднамеренного разрушения отмечены в наусах Кафыр-калы, раскопанных И. А. Сухаревым⁵², и, вероятно, должны быть отнесены ко времени арабского нашествия и начала распространения ислама. Характер распределения фрагментов оссуариев и костей в слоях создает картину использования заброшенного дома в качестве науса. Это же явление отмечено работами в Пянджикенте⁵³.

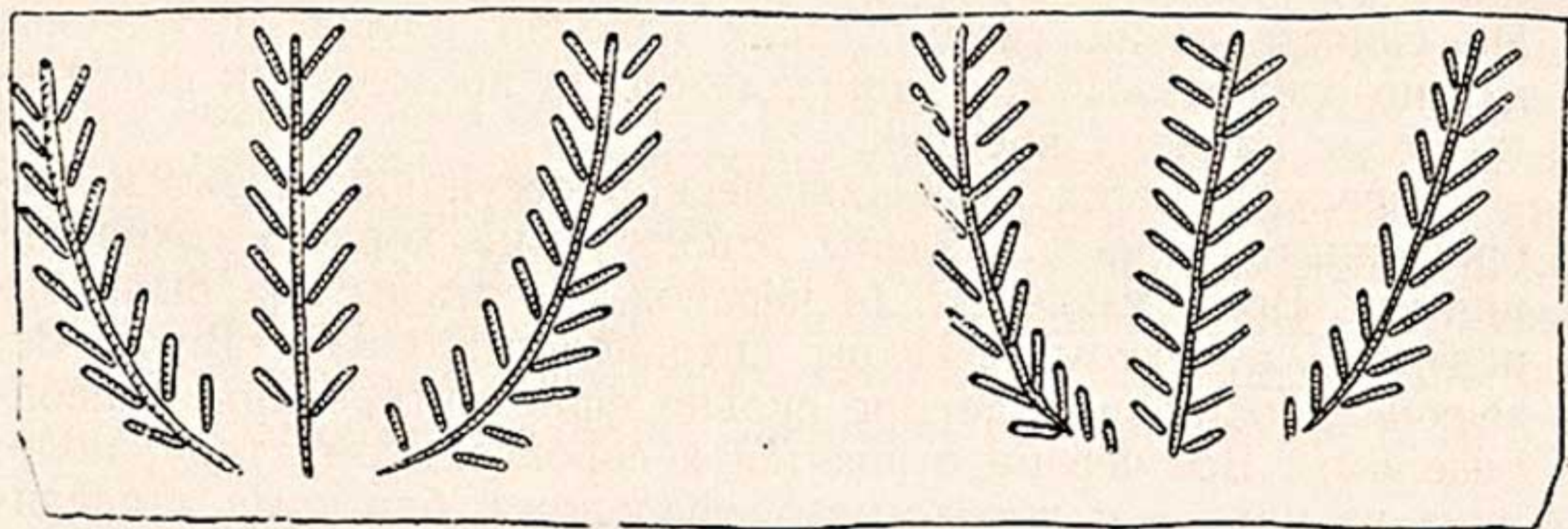
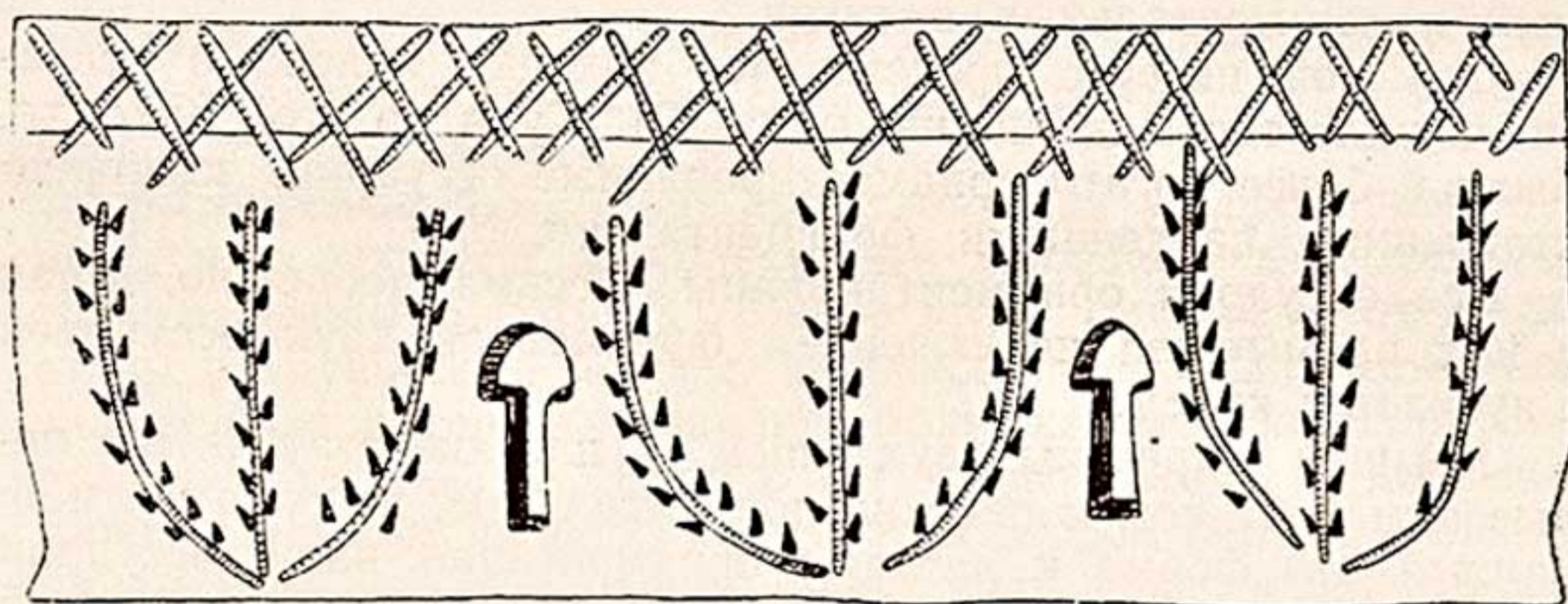
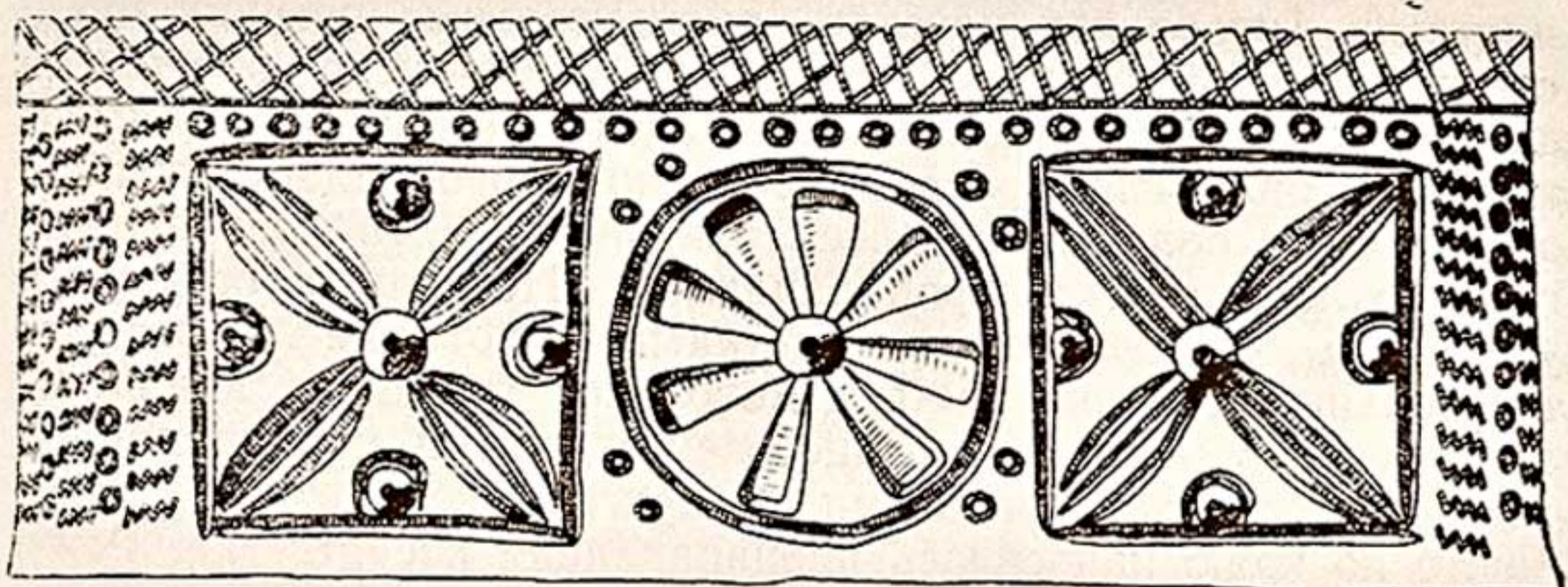
Сильно фрагментированные оссуарии в большинстве случаев дают возможность восстановить их форму. В основном они имеют прямоугольную форму, с закругленными углами, иногда углы закруглены настолько, что их скорее можно наз-

⁵¹ Л. И. Альбаум, Раскопки Балалык-тепе, КСИИМК, вып. 73, М.—Л., 1959, стр. 86; Он же, Балалык-тепе, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 101.

⁵² И. А. Сухарев, указ. соч., стр. 17.

⁵³ А. М. Беленицкий, Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.), КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 87.

вать овальными. Орнаментирована только передняя стенка оссуария, в боковых и задних стенках изредка делались прорезы в виде стрелы, замочной скважины, или узкой щели.

101 3 5cm

Рис. 14. Передние, орнаментированные стенки оссуариев с элементами реконструкции.

Кроме того, отверстия делались с помощью круглой палочки в центре орнаментальных розеток (рис. 14) и по самому краю оссуария.

По внешнему облику, тщательности отделки и обжигу оссуарии отличаются друг от друга. Все они сделаны из глины с большей или меньшей примесью дресвы или самана. В большинстве случаев обжиг хороший, ровный, черепок плотный. Только две плоские прямоугольные крышки представляют собой брак со спекшимся черепком, а фрагменты двух-трех оссуариев недообожжены и рассыпаются. Орнаментированы они очень просто. В основном преобладает елочный орнамент то более или менее аккуратный, то небрежный, глубоко или слегка процарапанный. Несколько оссуариев украшены «веточками» с «листочками», которые оттиснуты треугольным концом ножа. Довольно большое количество оссуариев украшалось многолепестковыми процарапанными розетками, заключенными в круги и квадратные поля. Часто по краю наносилась процарапанная косая сетка. Реже встречается наклепной орнамент в виде волнистых вертикальных и горизонтальных валиков.

Большой интерес представляет находка налепа с оссуария в виде торса женщины (рис. 13). Судя по этой находке, были и более богато орнаментированные оссуарии, чем представленные найденными фрагментами.

Все оссуарии орнаментированы весьма небрежно. Края у них прямые, за исключением фрагментов двух оссуариев с зубчатым краем.

Крышки встречены двух типов — плоские с зубчатым невысоким бортиком и плоские прямоугольные, не орнаментированные. По форме и деталям орнаментации наши оссуарии не отличаются от оссуариев из наусов Кафыр-Калы, с той лишь разницей, что в наусах встречена овальная крышка⁵⁴. Из сопоставления керамических изделий наусов и усадьбы можно сделать вывод о принадлежности последних к несколько более раннему времени.

Черепка, некогда помещавшиеся в оссуариях и затем выброшенные из них, найдены относительно хорошо сохранившимися. Всего извлечено 14 черепков. Десять из них были определены доцентом кафедры антропологии САГУ В. Я. Зезенковой, остальные четыре сильно фрагментированы и неопределимы. Все черепка относятся к европеоидному типу, половина из них — к долихо-мезоцефальному, близкому к средиземноморскому, с переходом к типу среднеазиатского междуречья. Другая половина — к брахицефальному типу, близкому расе среднеазиатского междуречья.

Раскопанное здание, располагавшееся близ города-крепости, вероятно, представляло собой загородную усадьбу.

⁵⁴ И. А. Сухарев, указ. соч., стр. 20.

Монументальность здания, его значительные размеры, тщательность постройки — все это говорит о том, что оно принадлежало довольно крупному землевладельцу и являлось центральным домом усадьбы, вокруг которого должны были располагаться подсобные постройки (например, помещения для скота, конюшни и т. п.). Вряд ли можно ожидать хотя бы незначительную их сохранность, так как местность изрезана оврагами в результате большой разрушительной роли дождевых вод (как это видно по основной застройке).

Основным датирующим моментом в определении времени возведения усадьбы служит керамический материал. Присутствие отдельных фрагментов кубков в первоначальной кладке стен и ножки красноангобированного кубка-вазы в пахсовом основании под стенами, которые по известным материалам Афрасиаба и Тали-Барзу датируются временем не позднее IV в. н. э., и отсутствие этих форм в керамическом комплексе периода жизни дома заставляет отнести его застройку ко времени не ранее V в. н. э.

На определенном этапе существования усадьба была брошена или захирела настолько, что владелец не в состоянии был ее ремонтировать. В течение этого времени отдельные стены разрушились, причем, повреждения носили чисто механический характер — появились большие выбоины, сломались углы некоторых стен. Кровля оставалась целой, по-видимому, даже в тех помещениях, которые во второй период существования дома были заложены. К моменту перестройки и ремонта дома существенных изменений в культуре его обитателей не произошло. Сохранились те же керамические формы, которые были характерны для первого периода. Появилась лишь одна новая форма сосуда — кружка, по-видимому, еще не получившая большого распространения. Следовательно, второй период существования дома следует отнести к концу V — началу VI в. н. э. Новый владелец дома не мог занимать то же общественное положение, что и его первый хозяин. Дом уже не представлял собой единого целого, а был разделен на три отсека, которые, вероятно, занимали родственные друг другу семьи.

К третьему этапу существования здания следует отнести использование его в качестве науса. К этому времени частично обрушились своды некоторых помещений № 1, 3 и началось интенсивное разрушение их водой. Усадьба пустовала незначительное время, и третий период ее использования относится к VI в., поскольку в VII в. в керамике Кафыр-калы появляются специфические формы и наблюдается обсыпка сосудов слюдой, чего не было обнаружено в материалах усадьбы.

Таким образом, все три периода существования здания занимают промежуток времени между V и VII вв. После этого здание было окончательно заброшено. В верхних слоях размытых завалов попадаются случайные фрагменты керамики XI—XII вв. К XV в. еще в какой-то степени сохранились стены второго этажа (над четвертой комнатой). Здесь было найдено небольшое количество поливной керамики и раздавленный хум.

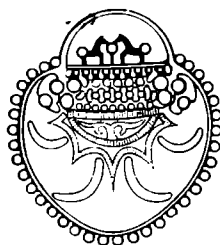
Сельские усадьбы Согда широко не исследовались. Первые из них, полностью раскопанные (Аул-тепе и Кафыр-кала), уже дают целый ряд новых материалов по планировке, строительной технике, отопительной системе и пр., что делает особенно интересным и необходимым их тщательное и всестороннее изучение.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1969

Г. В. ШИШКИНА

О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ МАРАКАНДЫ

Древний Самарканд, крупный политический и экономический центр с многовековой историей, уже в течение 100 лет привлекает к себе внимание. В научной литературе, и отечественной и иностранной, принята локализация Мараканды времен походов Александра Македонского на городище Самарканда — Афрасиаб. В. Л. Вяткин, проводивший большие по объему работы на Афрасиабе, отвергал отождествление его с Маракандой¹ в силу понятного для его времени незнания древних и древнейших (середины I тысячелетия до н. э.) археологических материалов. И тем не менее позднее он пересматривает свои представления о городище и, хотя осторожно, меняет датировку (IV—V вв. н. э.) древних слоев на более раннюю (II—III вв. н. э.)². Возражение против традиционной локализации Согда, а вместе с тем и Мараканды в долине Зеравшана было выдвинуто Б. Я. Стависким³. Однако его точка зрения не встретила поддержки⁴, и позднее Б. Я. Ставиский отказывается от предложенной им локализации Согда в долине Кашка-Дарьи⁵. Вопрос о местонахождении Мараканды вновь поднят в диссертации М. Пачоса. На основе изучения городских укреплений М. Пачос высказывает сомнение относительно отождествления Мараканды с Афрасиабом⁶.

Представление о Самарканде середины I тысячелетия до н. э. как о крупном городе, занимавшем всю территорию городища Афрасиаб, получило признание в научной литературе⁷. Однако соответствующие слои или группы бесспорных находок совершенно определенно зафиксированы только в северо-западном и южном районах городища. Отсутствие материалов на других исследованных участках еще не может служить достаточным основанием для широких выводов. Чрезвычайно сложный первоначальный рельеф (как это показали раскопки) существенно изменился в силу большой интенсивности жизни на этой территории в течение многих веков. Неправильные перепланировки сопровождались сносом значительных толщ земли — вершук лессовых холмов с лежащими на них культурными остатками, что хорошо прослежено в нескольких пунктах. Пример исследования западной окраины городища, где на первых порах ряд шурфов

¹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1927, стр. 4, 64.

² ЦГИА УзССР, Архив В. Л. Вяткина, 2, стр. 90, 92, 100. Отчет о деятельности Узкомстариса за 1929—1930 годы.

³ Б. Я. Ставиский. Некоторые вопросы истории и топографии древнего Согда. ЛГУ, 1948, 3.

⁴ В. М. Массон. К локализации Согда. Тр. САГУ, гум. науки, 3, нов. сер., XI. Ташкент, 1950.

⁵ Б. Я. Ставиский. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины, ИМКУ, I. Ташкент, 1959, стр. 80—81.

⁶ М. К. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966, стр. 16, 17; его же. К изучению стен городища Афрасиаб. СА, 1967, 1, стр. 73.

⁷ А. И. Тереножкин. Согд. и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 155; М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, 4, стр. 158.

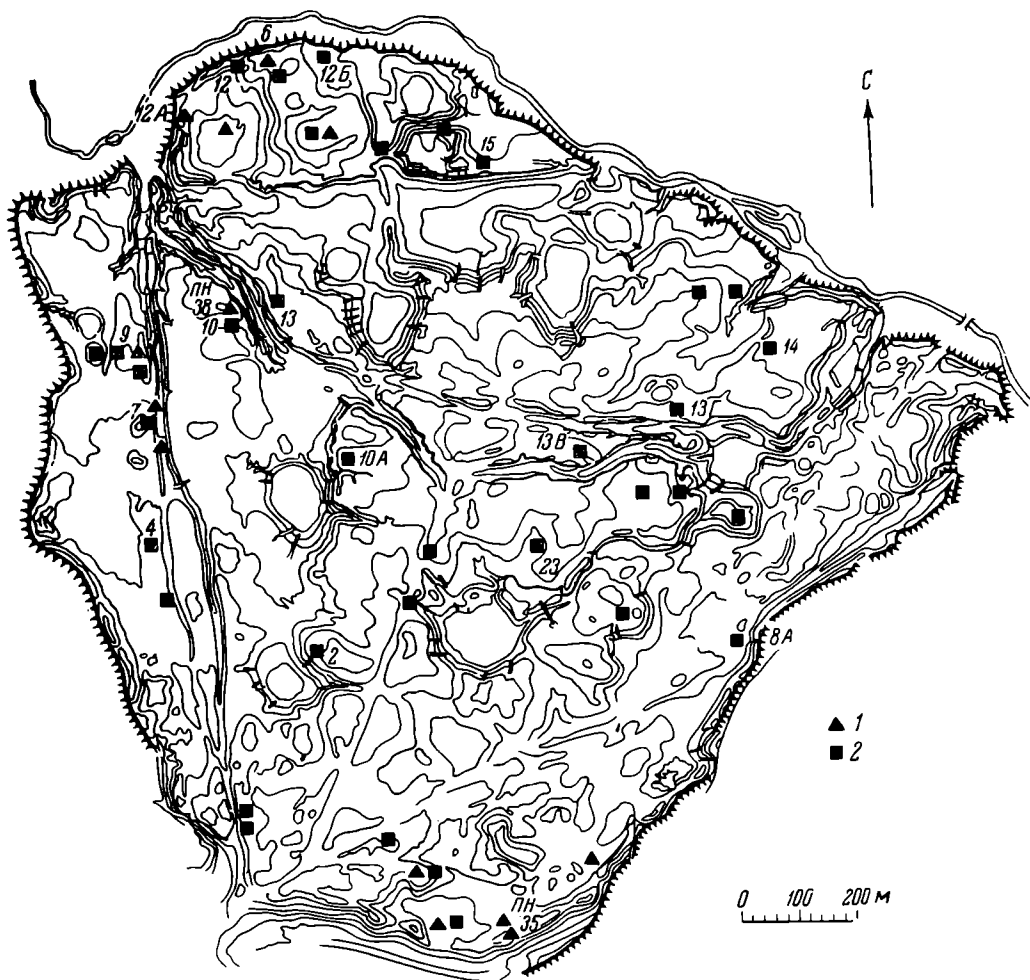

Рис. 1. Пункты обнаружения слоев I и II периодов Афрасиаба

Цифрами обозначены номера раскопок. ПН — пункты, отмеченные А. И. Тереножкиным; 1 — пункты находок I периода; 2 — пункты находок II периода

создал картину заселения этого района не раньше IX в. н. э. и где позднее выявились значительно более древние слои, показал, что только изучение широких площадей, фиксация и осмысление всех фактов позволят составить о городе более или менее правильное представление. Вот почему пока не может быть отвергнуто⁸ утверждение о существовании здесь в середине I тысячелетия до н. э. крупного города.

Работы последних лет на городище показали, что классификация керамики Афрасиаба, предложенная А. И. Тереножкиным, в основе сохраняет свое значение. Но уже сейчас могут быть сделаны поправки в характеристиках некоторых комплексов и уточнены датировки отдельных периодов. Материалы, полученные для I периода, расширили представление о нем, но не внесли изменений в датировку его серединой I тысячелетия до н. э.

В 1948 г. А. И. Тереножкин на юге Афрасиаба (около 40 м восточнее Шахи-Зинда) заложил небольшой раскоп на краю обрыва, на месте внешней городской стены (пункт 35, рис. 1). Здесь на уровне материкового лёсса была расчищена часть помещения с гладким, сильно известкованным полом и остатками южной стены, представлявшей «обрывчик в суглинке», облицованный пахсовой кладкой⁹. В 1959 г. во время работ Самаркандско-

⁸ М. Пачос. Из раскопок на Афрасиабе. Сб. «Из истории культуры народов Узбекистана». Ташкент, 1965, стр. 29.

⁹ А. И. Тереножкин. Исследования на Афрасиабе в 1948 г. Рукопись. Архив Сектора археологии АН УзССР, стр. 4, 6—8.

го археологического отряда раскоп А. И. Тереножкина был несколько расширен к востоку. На полу того же самого помещения были найдены две пары круглых, диаметром около 18 см галек, одна из которых, с шипом, входит в углубление другой, свободно в нем вращаясь и выполняя роль шарнира. Одна пара галек помещалась на очень прочном коническом основании из алебаstra высотой 0,24 м, в котором был укреплен нижний камень с углублением (рис. 2). Соприкасающиеся поверхности галек отшлифованы долгой работой. На Афрасиабе же в мастерской IV в. н. э. найден

Рис. 2. Шарнирные камни на полу помещения после расчистки

нижний шарнирный камень. Место находки определяет его как подпятник под гончарный круг¹⁰. Поэтому и здесь, в пункте 35, наиболее вероятным кажется объяснение этого устройства как основания гончарного круга¹¹. В таком случае перед нами гончарная мастерская, имевшая в своем распоряжении не менее двух кругов¹². Лежавший на полу помещения полированный каменный пестик (длина 6 см, ширина 3 см, рис. 3, 19)¹³, возможно, был принадлежностью гончарного производства и мог употребляться для сглаживания поверхности сосудов при формовке¹⁴ или каких-то других целей. Там же в нижнем слое найдены: сосуд со слегка выпуклым дном, через резкое ребро переходящим в вогнутые стенки с тонким краем, (рис. 3, 4); два сосуда на плоских днищах с перегибом тулова в нижней части и почти вертикальными стенками (рис. 3, 6, 7); фрагменты нескольких крупных сосудов со слабо выраженной шейкой и утолщенным отогнутым краем (часть из них со знаками в виде косога креста и круга) (рис. 3, 9, 10); фрагмент полусферической чаши, покрытой в отличие от

¹⁰ А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиабе. КСИИМК, XXXVI, стр. 138, рис. 37. З. Автор датирует мастерскую более ранним временем.

¹¹ В. А. Шишкин. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР. ИМКУ, 2. Ташкент, 1961, стр. 42, 53. Связь галечных шарниров с гончарным производством подтверждается находкой их в обжигательной печи сасанидского времени в Туркмении. А. Г. Губаев. Новый памятник сасанидского времени в Южном Туркменистане. СА, 1967, 1, стр. 263, рис. 2, 8.

¹² Предположение подкрепляется последними работами Н. Б. Немцевой к северу от мастерской, где в слое середины I тысячелетия до н. э. найдены ошлакованные куски лёсса.

¹³ А. И. Тереножкин. Исследования..., стр. 7, 10.

¹⁴ Подобные каменные и терракотовые инструменты применялись в гончарном производстве с древности до наших дней. I. Marshall. Taxila II. Cambridge, 1951, стр. 502. Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии. Тр. ИЭ, нов. сер., XII, М.—Л., 1959, стр. 140, 146, 192, 214; рис. 38, 40, 52, 4, 55, 6, 7.

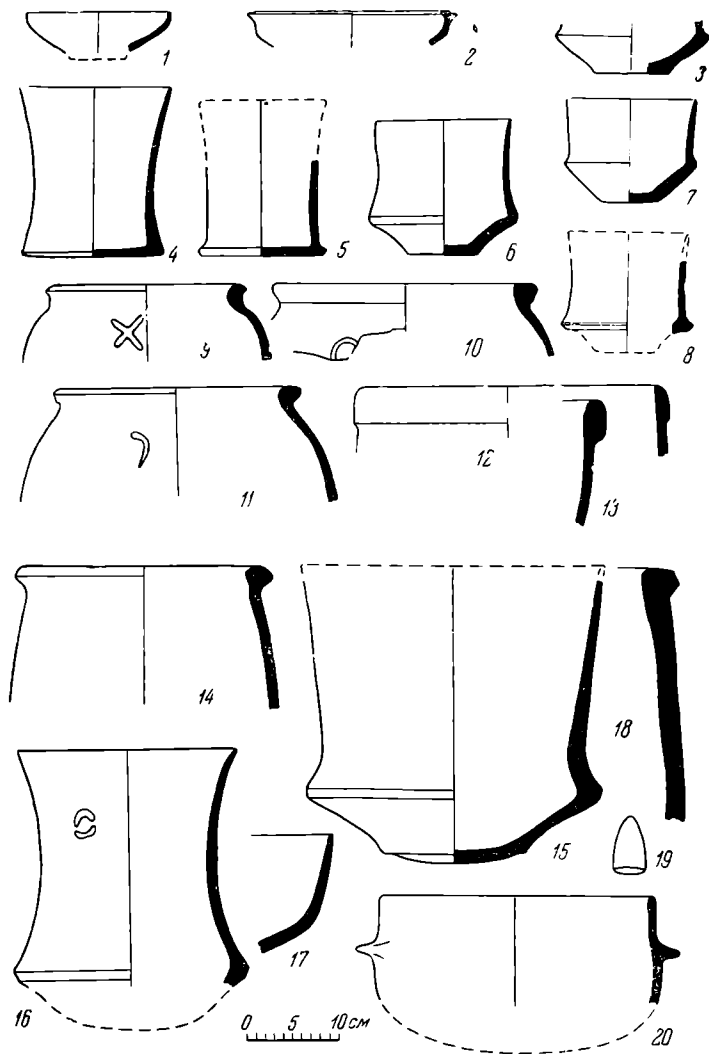

Рис. 3. Керамика I периода

1, 2, 4, 6, 7, 9—20 — пункт 35; 3 — пункт 43; 5, 8 — раскоп 9

всех прочих сосудов розоватым ангобом (рис. 3, 17). Зольники над слоем, лежавшем на полу, содержали керамику тех же форм и, кроме того, две мисочки — с горизонтальным бортом и с закругленным внутрь краем (рис. 3, 1, 2). Знаки на сосудах из зольника, как и упомянутые выше, прочерчены до обжига и имеют вид запятой и двух полукружий, обращенных друг к другу (рис. 3, 11, 16).

В окрестностях Шахи-Зинда слой середины I тысячелетия до н. э. прослежен еще в двух пунктах, а в обрыве средневековой городской стены под ее основанием найдено скопление сосудов с резким перегибом стенок (типа, представленного на рис. 3, 4, и др.), связанное с четким уровнем какой-то постройки¹⁵. По словам Н. Б. Немцевой, на юге городища керамика стадии Афрасиаб I встречается и на поверхности, что объясняется постоянными перемещениями толщ земли на территории многовековых кладбищ.

Слой середины I тысячелетия до н. э. выявлены и на северном краю городища в пределах первого кольца городских укреплений. Близ обрыва к Снабу, под городской стеной III в. до н. э., слой с бронзовым двухперым

¹⁵ Археологические работы в районе Шахи-Зинда проводятся Н. Б. Немцевой.

втульчатый наконечником и керамикой типа Афрасиаб I¹⁶ составляет всего 0,70 м, причем по направлению к городу он исчезает вместе с повышением уровня материковой поверхности. Из этого последнего факта и присутствия большого количества древнейшей керамики в теле городской стены становится ясно, что слой на значительном пространстве уничтожен при постройке стены. Сбросы той же керамики обнаружены рядом, вдоль обрывчика на террасе над Сиабом¹⁷. Последними работами М. И. Филанович слой I периода обнаружен на территории соборной мечети. Западнее, в большой низине, слой с керамикой I тысячелетия до н. э. мощностью несколько метров содержат бракованную керамику и шлак¹⁸.

На западной окраине городища период Афрасиаб I представлен пока отдельными находками вне связи со слоем. Здесь на раскопе 9 (см. рис. 1) расчищен небольшой отрезок канала. В русле канала, на дне его (шурф 2, верхнее русло, занимающее основную площадь шурфа, рис. 4), вместе с человеческими черепами и фрагментами керамики лежал вымытый откуда-то (вероятно, из погребения) бронзовый черешковый трехгранный наконечник стрелы. Грани боевой части наконечника переходят у основания черешка в слабо намеченные лопасти. Черешок на большей части своей длины уплощен (рис. 5, 1). Этот тип бронзовых наконечников стрел уже достаточно хорошо известен на обширной территории от Монголии до Урала на севере и Памира на юге¹⁹. За последние годы сделаны находки таких наконечников стрел на юге Узбекистана, в поселении времени Ахеменидов²⁰. Исследователи, занимавшиеся вопросами датировки комплексов с трехгранными наконечниками стрел на уплощенном черешке, относят их ко времени в пределах между IX и IV вв. до н. э.

Другой бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы найден в кладке стены X в., куда он попал из культурного слоя, взятого на глину для кирпичца. Широкие лопасти его срезаны под тупым углом, втулка не выступает за пределы лопастей (рис. 5, 2). Такие наконечники стрел с более или менее выраженной втулкой встречаются в памятниках VII—IV вв. до н. э. Ирана, Средней Азии, Кавказа и южного Урала²¹.

Из керамического материала с определенностью к комплексу Афрасиаба I может быть отнесен один фрагмент цилиндрического сосуда с резким перегибом стенок в придонной части (рис. 3, 8). У него характерный красноватый в изломе цвет плотного черепка и светлая поверхность. Найден фрагмент в чужом для него, гораздо более позднем комплексе. На северо-западе Афрасиаба (близ нынешнего раскопа 9) в 1947 г. при прокладке дороги на аэропорт А. И. Тереножкин отметил два пункта с комплексом Афрасиаб I (пункт 49 — пикеты 9 и 10) и один — северо-восточнее, около двойного кольца стены (пункт 38, рис. 1). В числе находок были железный серп, бронзовое зеркало с длинной ручкой и железная лопаточка²².

¹⁶ С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, 3, стр. 80, рис. 2, 1; 4, 1.

¹⁷ М. И. Филанович. Полевой отчет о работах в стратиграфическом шурфе, заложенном в низине в пределах первого кольца городских стен Афрасиаба (1961 г.). Здесь и дальше рукописные отчеты использованы с любезного разрешения авторов, за что и приношу им свою искреннюю благодарность.

¹⁸ Выявленные районы гончарного производства (северный и южный), вероятно, одновременны.

¹⁹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 83, рис. 17, табл. XIV, 7; С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1951, стр. 204, табл. Д, 11, табл. XXVI, 10; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 47, рис. 16, 2а—б, 35Б, 1; С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи. СА, 1966, 2, рис. 9, и др. работы.

²⁰ Исследования на Кучук-Тепе Л. И. Альбаума.

²¹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, рис. 12; С. П. Толстов. Итоги работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, 3, рис. 3, 5, 16; Г. И. Ионе. Мингочаурская разновидность наконечников стрел «скифского» типа. Материальная культура Азербайджана, III. Баку, 1953, стр. 85; Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I. Ереван, 1950, рис. 55, 63; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., рис. 23, 22—9, 33А, 4ж.

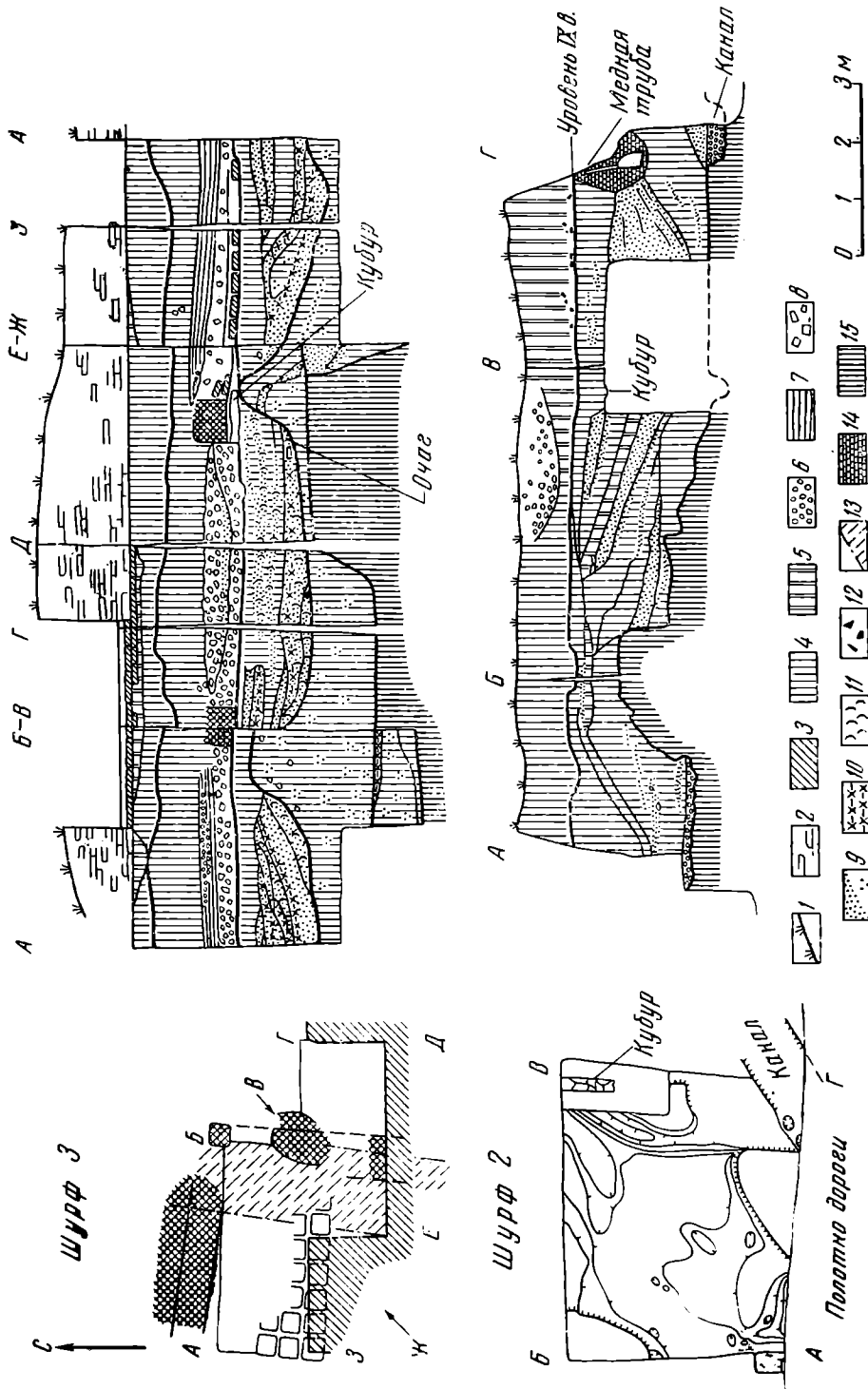

Рис. 4. Планы и развертки шурфов на раскопе 9

Условные обозначения. 1 — дерновый слой; 2, 3 — кладка сырцового кирпича IX-X вв.; 4 — плотный слой; 5 — рыхлый слой; 6 — крупный песок; 7 — слоистый налет; 8 — завал сырцового кирпича; 9 — золяники и рассеянные включения золы и угольков; 10 — гумус; 11 — обломки жаровен; 12 — ижеженный кирпич; 13 — земляной вал; 14 — пощащающае устройство IX в.; 15 — материковый лёсс

В 1967 г. близ восточного края дороги на аэропорт, южнее раскопа 7, зафиксирован зольник, лежащий на материковом лёссе и содержащий керамiku, типичную для середины I тысячелетия до н. э. Таким образом, единичные предметы из раскопа 9 находят себе подкрепление в перечисленных выше материалах и их следует считать перемещенными из нарушенных слоев, существовавших на западе городища. Малочисленные, но характерные формы керамики и бронзовые наконечники стрел на участке раскопа 9 вполне согласуются с комплексом Афрасиаб I, отнесенным А. И. Тереножкиным к V—IV вв. до н. э.²³, что позднее подтвердилось обширным и хорошо датированным благодаря четкой стратиграфии материалом Яз-Тепе в Туркмении²⁴.

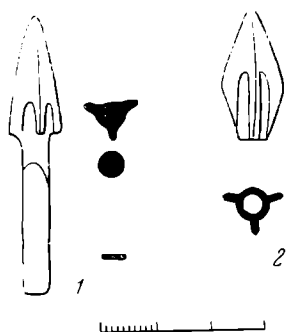

Рис. 5. Бронзовые наконечники стрел

Западнее раскопа 9 был сделан разрез внешней городской стены. Материк под стеной с внешней стороны образует широкую ступень, на которой лежат две прослойки золы общей толщиной 0,75 м. В материке вырыты две ямки, заполненные рыхлой землей и золой. Подобная картина наблюдается и на северном фасае городища, где в разрезе на раскопе 6 материковый лёсс также образует ступень с внешней стороны города. И на этой ступени лежала выброшенная

сверху керамика I тысячелетия до н. э.²⁵ И в том и другом случае перед нами остатки каких-то древнейших оборонительных приспособлений, использовавших особенности местности, с площадкой вдоль обрыва, по всей вероятности защищенной с внешней стороны стенкой.

Остатки более позднего и конструктивно отличного оборонительного сооружения выявлены на севере городища, западнее раскопа 6, где в 1947 г. А. И. Тереножкин расчистил зольник, керамику из которого он отнес к стадии Афрасиаб I²⁶. В 1964 г. этот раскоп был несколько расширен и превращен в разрез для исследования городской стены (раскоп 12А). Как выяснилось, горизонтальная площадка лёссового холма большими ступенями опускается внутрь городища и обрывается отвесной стеной в сторону Спаба. На ней у самого края обрыва сохранились остатки паховой стены (рис. 6)²⁷, проходившей вдоль северного фасаа и рухнувшей вместе с пластами лёсса в Сиаб. К внутренней поверхности стены²⁸ со стороны городища и прилегает упомянутый зольник, лежащий на верхней ступени: из-за плохой сохранности стены трудно сказать, перекрывал ли зольник разрушенный гребень стены или примыкал к ее поврежденной (слабоуступчатый профиль) поверхности. Зольные прослойки общей мощностью 2 м в разрезе имеют вогнутую форму и производят впечатление заполнения какого-то пространства более 3 м шириной. Возможно, это пространство было коридором в теле оборонительной стены, внутренняя часть которой уничтожена при возведении средневеково-

²² А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 155, рис. 69, II 2—4.

²³ Там же, рис. 69, II.

²⁴ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., стр. 59.

²⁵ Работы на разрезе раскопа 6 производились М. И. Филанович весной 1960 г. См. также М. К. Пачос. К изучению стен..., рис. 6. На разрезе А—Б горизонтальная площадка, вырезанная в материковом лёссе, видна слева, на В—Г — справа (более разрушенный участок).

²⁶ В комплекс материалов, собранных здесь А. И. Тереножкиным, входил каменный молоток. А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, I, 1.

²⁷ Схема составлена В. А. Шишкиным.

²⁸ М. Пачос, проводивший здесь работы, почему-то не обратил внимания на остатки ранней стены, хотя на чертеже разреза она нанесена и выделена особой штриховкой.

го укрепления. Поскольку зольник примыкает к плоскости стены, а не нарушен ею, керамика, извлеченная из него должна послужить основанием для выяснения времени функционирования стены. В керамике из зольника преобладают формы, характерные для периода Афрасиаб I. К примеру, А. И. Тереножкин извлек отсюда сосуд баночной формы с острым ребром при переходе к широкому, чуть выпуклому дну. Но в 1964 г. здесь встречены фрагменты широкогорлых кувшинов более типичных для комплексов II периода, и пирамидальное грузило из обожженной глины. Там

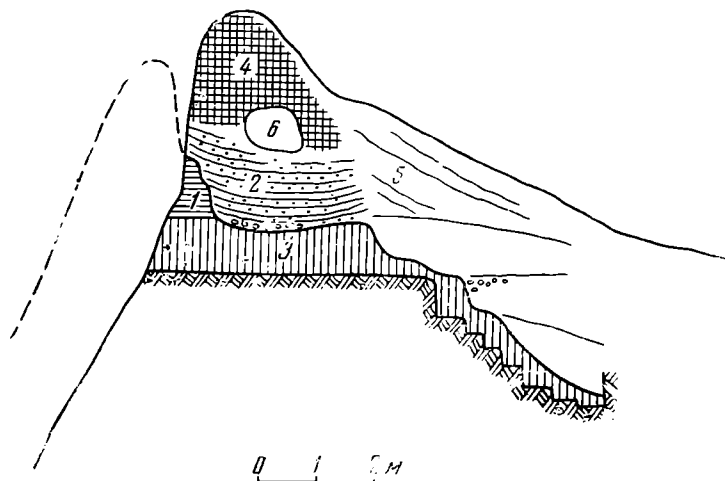

Рис. 6. Схема разреза 12А

1 — остатки древней стены; 2 — зольные прослойки; 3 — материковый лёсс; 4 — средневековая стена; 5 — оплывы средневековой стены; 6 — рыхлый слой

же найдена нижняя часть сосуда, занимающего промежуточное положение между глубокой чашей с волнистым профилем стенок из комплекса Яз III²⁹ и сосудами баночной формы с изломом комплекса Афрасиаб I. Сосуд из зольника сформован иначе, чем последние, ребро его без срезов, округлых очертаний, придонная часть подправлена ножом. Формы керамики позволяют датировать зольник IV в. до н. э. В таком случае стена, к которой он примыкает, должна быть отнесена, вероятнее всего, ко времени до прихода в Мараканду Александра. Уточнение даты возведения второго времени укрепления древнего Самарканда — дело будущего.

Древнее население, освоившее холмистую местность и превратившее ее в укрепленный пункт, должно было не только использовать особенности рельефа, но и соответствующим образом приспособить его для целей обороны. И прежде всего потребовалось придать склонам холмов наибольшую крутизну. Лёссовые же отвесные стены легко слоются по вертикали и рушатся. Этот процесс можно увидеть на Афрасиабе в районе мавзолея Ходжа Данияра, где каждый год в зимний период от обрывистого края городища отваливаются громадные глыбы. Об этом обстоятельстве нельзя забывать, исследуя слои у самого края городища.

М. Пачос в своей диссертационной работе пришел к выводу об отсутствии признаков города на территории Афрасиаба раньше IV в. н. э.³⁰ Вывод сделан на основе многочисленных разрезов стен, но обращает на себя внимание один немаловажный факт. Разрезы, как правило, обнажают лишь верхушку лёссового останца под основанием поздней стены, а не доведены до относительно горизонтальной линии древней почвы, на

²⁹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура... табл. XLII, 3.

³⁰ М. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба, стр. 15, 16.

уровне которой и должно ожидать древнейшие слои. В этом плане показательно изучение стен северного фаса, где раскопы, затронувшие вершины материковых холмов, не дали материала той древности, который был получен тут же, рядом со стеной на горизонтальных площадках (раскоп 6, разрезы 6 и 12). Только случайный зольник оказался на верхней широкой ступени останца.

Можно полагать, что вся северо-западная четверть городища, включая перечисленные пункты на западе, входила в систему древнейших оборонительных сооружений. Выбор места для поселения на высоких (20—30 м) холмах, в сильной степени затруднявших водоснабжение, сам по себе свидетельствует о приспособленности его к обороне. Около середины I тысячелетия до н. э. холмы были укреплены оборонительными сооружениями недостаточно выявленной конструкции, а несколько позднее — паховой стеной. Если справедливо сообщение Страбона о том, что в числе других городов Александр разрушил Мараканду³¹, то перед нами остатки не вполне скрытых стен. Источники не сохранили рассказа о взятии Мараканды, и трудно даже предположить, в какой степени мог пострадать при этом город. Ничего не сказав о действиях Александра в Маракаде, Квинт Курций сообщает, что, оставив в городе гарнизон, он опустошает и сжигает ближние села³². Возможно, этот факт привел К. В. Тревер к мысли о добровольной сдаче города³³. В ходе освободительной борьбы с македонцами Мараканда становится центром событий, хотя, оговаривает Квинт Курций, жители города не одобряли восстание³⁴. Последнее заявление могло относиться к «отцам» города, боявшимся расправы в случае неудачи. Можно допустить, что разгневанный участием горожан в восстании, Александр приказал разрушить городские укрепления.

Дело дальнейшего кропотливого изучения — выяснить связь северо-западного и южного районов заселения. Составляли ли они единую территорию города, или собственно город этого периода ограничивался северо-западной четвертью городища, решить пока нельзя. Тем более рано говорить о социальной структуре города. В северо-западной низине в трех культурных слоях в изобилии найдены только довольно грубая толстостенная керамика и отбросы керамического производства³⁵. Отличается состав керамического комплекса из заполнения гончарной мастерской, где процент толстостенной керамики возрастает. Положение гончарной мастерской на краю холмов, составляющих единое плато Афрасиаба, позволяет предположить, что и южные районы городища входили в черту города.

Наличие специализированных мастерских с товарным производством допустимо и для более ранних периодов, а для середины I тысячелетия до н. э. подтверждается наблюдениями В. М. Массона на крупных поселениях Маргианы, где гончарные печи сосредоточены в одном квартале³⁶. О высоком уровне керамического производства в этот период говорит уже само применение гончарного круга, а кроме того, и технологическое исследование керамики, проведенное Н. С. Гражданкиной. Гончарная масса составлялась из смеси лёсса и глины типа керамзитовой (гильмоя) с добавлением пуха камышовых метелок для уменьшения воздушной усадки. Сосуды изготовлялись несколькими способами, обычно из одного куска глины. Иногда стенки и днище сосуда формовались отдельно и скреплялись после подсушки. В распоряжении гончаров были печи достаточно совершенных конструкций, дававшие температуру до 900—950° С. Но па-

³¹ Страбон. XI, 10, 4.

³² Квинт Курций. VII, 6, 10.

³³ К. В. Тревер. Александр Македонский в Согде. ВИ, 1947, 5, стр. 115.

³⁴ Квинт Курций. VII, 7, 24.

³⁵ Сведения взяты из отчетов М. И. Филанович.

³⁶ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., стр. 69.

раллельно с ремесленным существовало и домашнее производство котлов. Здесь использовался способ лепки из глиняной ленты, а обжиг производился на кострах при свободном доступе воздуха (отчего получался серый черепок), где температура не поднималась выше 500—530°. В гончарную массу делались добавки крупного песка, дробленого сланца или керамики.

Освоение безводных холмов было связано с трудностями водоснабжения. Результаты нивелировки окрестностей Афрасиаба в 1904 г., произведенной по просьбе В. В. Бартольда, показали, что вода в город могла подаваться только с южной стороны и только по специальному устройству³⁷. Руслу главных каналов перемещались незначительно (в условиях сложного рельефа Афрасиаба прокладка нового русла была сопряжена с немалыми усилиями), а их направление оставалось неизменным на протяжении всей жизни города. Западный канал проходил с юга на север в месте нынешней дороги на аэропорт. Его древнее русло на небольшом отрезке было раскрыто в районе раскопа 9. Другой канал перерезал городище по центру. На плане Афрасиаба 1885 г., правда с некоторым трудом, поскольку составлен он после проведения здесь дороги Ташкент — Самарканд, вдоль восточной стороны городища можно проследить еще одну узкую низину, где могло пролегать русло восточного канала, отводы из которого снабжали водой южный район городища.

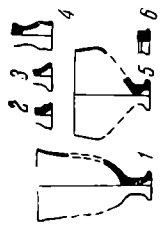
Археологический материал, полученный из русел каналов, не дает повода утверждать, что каналы, а следовательно, и водоподъемное устройство уже существовали в первый период освоения территории Афрасиаба. С полной уверенностью можно говорить о функционировании магистральных каналов во II периоде, хотя вероятнее более раннее сооружение ирригационной системы города, тем более, что на севере городища в середине I тысячелетия до н. э. существовала система искусственных водоемов.

Культурные слои II и III периодов прослежены по всей территории городища (рис. 1), если только не уничтожены позднейшими земляными работами, но и тогда они фиксируются по находкам керамики в строительных материалах поздних построек. Оба периода представлены одними и теми же ведущими формами керамики, которые на протяжении длительного времени столь слабо изменяются, что до массового накопления материала не представляется возможным проследить их развитие. Нижняя граница II периода определяется резкой сменой облика преимущественно столовой посуды, когда широкое распространение получают красный ангоб, сплошное и полосчатое лощение. В большом количестве встречаются банковидные красноангобированные бокалы на маленьком плоском донце (рис. 7, 24, 27, 120) с вертикально-полосчатым лощением; чаши красноангобированные с Т-образным и плавно отогнутым бортом, часто лощенные радиальными полосами (рис. 7, 31—34, 36, 38, 41, 44, 45, 128, 129); светлоангобированные чаши с венчиком клювовидного профиля (рис. 7, 35, 38, 125, 126) и с закругленным внутрь краем (рис. 7, 48, 52, 53, 133, 134). Многие формы керамики связывают ее с предшествующим периодом. О том, что такие типичные для II и III периодов формы, как чашечка с закругленным бортом на кольцевом поддоне с утолщением в центре, чаша с горизонтальным бортом, баночной формы бокалы, зарождаются в более ранних комплексах, свидетельствует не только материал самого Афрасиаба (рис. 7, 131, 135), но и близкие ему комплексы Маргианы³⁸. А серия сосудов типа хумча сохраняет ту же форму, что и в I периоде. Это крупные сосуды почти цилиндрической формы с резко выраженным ребром при переходе от стенок к округлому дну и с манжетовидным венчиком (рис. 7, 86, 87, 89, 148). Только в конце III периода меняется форма вен-

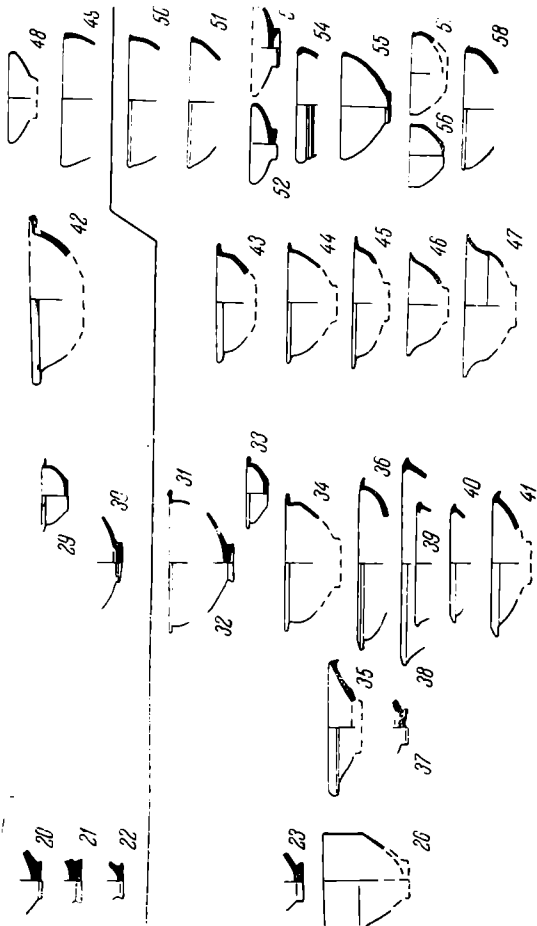
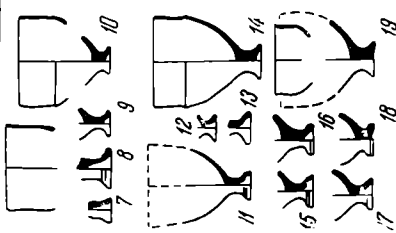
³⁷ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., III, М., 1965, стр. 188.

³⁸ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. XXXVII, 16; XXXIX, 17, 18.

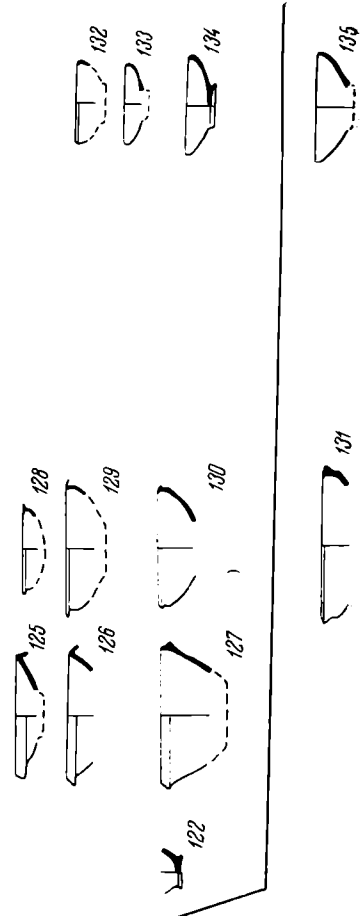
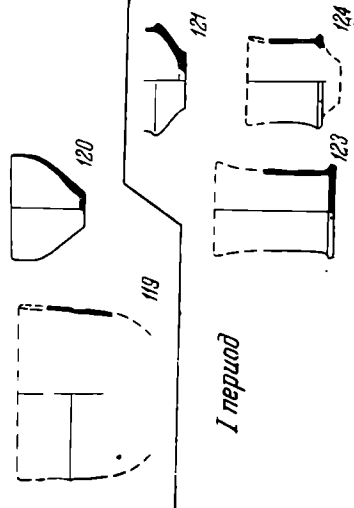
III период

II период

I период

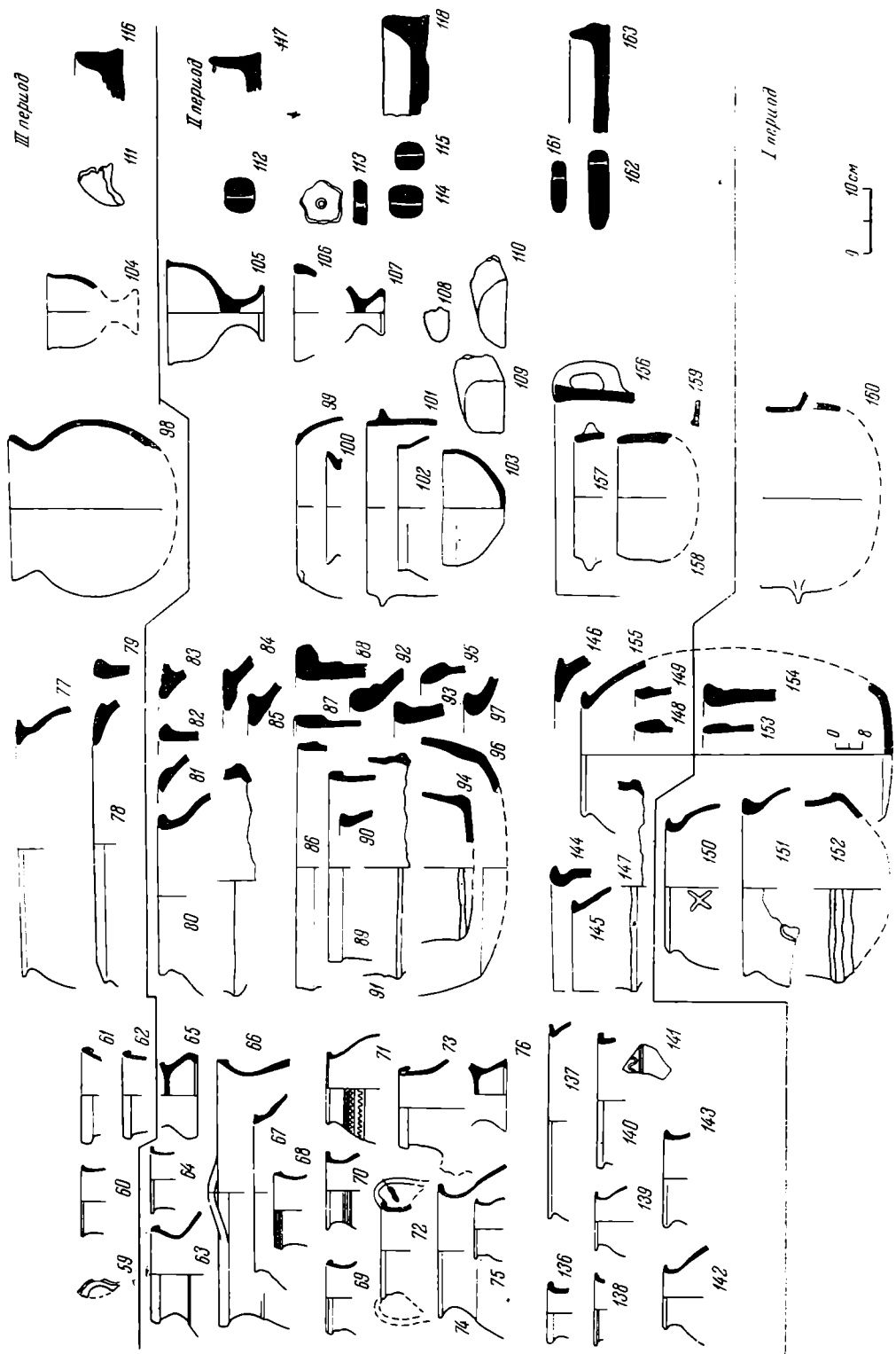

Рис. 7. Сводная таблица керамики

чика, а затем этот тип керамики исчезает. Различие между II и III периодами устанавливается по обилию лощеных кубков на ножках в слоях III периода (рис. 7, 7—19). Что касается датировки этих двух периодов у А. И. Тереножкина (IV—II вв. до н. э.), то рамки ее следует расширить до I в. н. э., когда, по-видимому, появляются кубки на неустойчивой ножке и меняются весь керамический комплекс.

В связи с большим сходством керамических форм II и III периодов не всегда с определенностью удается установить принадлежность небольших групп керамики (например, разрозненные фрагменты из кладок стен) определенному слою. Поэтому, рассматривая топографию находок на Афрасиабе, часто приходится говорить о слоях II—III периодов совместно. Для II периода на северном фесе городища выявлены мощные укрепления над обрывом к Спабу. Керамика, включенная в тело стены и лежащая у ее основания, слой Афрасиаб I под стеной, дают достаточно определенную дату возведения стены — III в. до н. э. Эта стена строилась одновременно на значительном протяжении. Она проходила вдоль обрыва, следуя его естественным поворотам. На восток от исследованного С. К. Кабановым отрезка стены на месте траншей В. Л. Вяткина выявилась картина ниспадающих от обрыва в сторону городища зольных слоев (раскоп 12Б³⁹, рис. 1). Направление слоев не вызывает сомнений в существовании помещений на обрушенном ныне краю обрыва, где на горизонтальной площадке материка (как и на раскопе 12А) стояла городская стена. О верхней границе освоения внутрисканьных помещений дает представление материал из слоя, лежащего на крутом склоне материкового холма со стороны города. Здесь найдены большие вазы, ниже лежали кубки ранних типов. Разрез обнажил только верхние ступени материкового основания и не доведен до подножия холма, почему самые нижние слои здесь остались неизвестными.

При зачистке промоины в северной стене цитадели выяснилось, что с внутренней стороны стена стоит на внешнем краю холма и на культурном слое 0,5 м толщиной⁴⁰. Слой, лежащий на крутом склоне древнего холма ниже обрывающегося вертикально, заставляет предположить и на этот раз, как в подобных случаях на северном фесе городища, существование более древнего укрепления. Время возведения и характер укрепления поможет объяснить расчистка лёссового холма в глубь цитадели и вниз к его подножию. Поскольку этот единственный разрез на цитадели⁴¹ затронул внешнюю обкладку неисследованного раннего сооружения, судить о времени возникновения цитадели не приходится, тем более что неясно время появления на лёссовой ступени культурного слоя, накопившегося в результате сбросов из сторожевых помещений в стене или других жилых построек. Можно говорить о ремонте или, скорее, восстановлении цитадели. По Арриану и Курцию Руфу⁴², в Мараканде была укрепленная цитадель. Сведения Арриана об осаде Спитаменом македонского гарнизона в цитадели и Курция о том, что Спитамен заперся в стенах города, не окажутся противоречивыми, если представить себе первоначальную цитадель, как и более позднюю, внутри города. Спитамен, войдя в город, заперся в стенах его и осадил цитадель с загнанным туда гарнизоном⁴³.

Шесть раскопов и четыре зачистки в пределах так называемого первого укрепления показывают, что первичная стена (по северному фасу сохранился фрагмент IV в. до н. э.) разрушалась неравномерно и по мере необходимости ремонтировалась или восстанавливалась. И уже сейчас на-

³⁹ Работы М. Пачоса и Т. Агзамходжаева.

⁴⁰ М. К. П а ч о с. Оборонительные сооружения Афрасиаба, стр. 7.

⁴¹ Разрез 15А, который М. Пачос считает разрезом юго-восточной башни цитадели, на самом деле приходится на восточный отрезок так называемого 1-го кольца стен.

⁴² А р р и а н. IV, 3, 6; Квинт Курций. VII, 6, 10.

⁴³ К в и н т К у р ц и й. VII, 6, 24.

считывается не менее пяти строительных периодов, охватывающих промежутки времени более тысячелетия (разрез 12А на рис. 6; раскоп 6⁴⁴, разрезы 12 и 15).

Двойная и малая третья стены возведены на остатках культурного слоя толщиной до 2,5 м. Время накопления слоя в большинстве случаев неизвестно⁴⁵, но в паховых кладках стен и в нижних слоях под стеной на востоке (раскопы 13Г и 14) содержится материал II и III периодов.

Внешнее четвертое кольцо укреплений, как и по северному фасу, возводилось не одновременно. Вызывает большие сомнения датировка мощной кладки городской стены из сырцового кирпича (35—40) × (35—40) × (15—16) см к востоку от Шахи-Зинда хорезмшахским временем⁴⁶. Известно, что начало XIII столетия было смутным временем для Самарканды. Султану Осману пришлось укреплять свое положение женитьбой на дочери хорезмшаха Мухаммеда. В 1211 г. Мухаммед жестоко расправился с восставшими самаркандцами. А через восемь лет началось вторжение в Среднюю Азию Чингиз-хана. Сомнительно, чтобы в ближайшие к вторжению монголов годы возможно было возведение монументальной городской стены. На большой высоте от подножия стены внутри ее выведен коридор. Кладка велась из клейменных кирпичей с камышовыми прокладками строго через каждые три ряда кирпича. Отпечатки камыша, а местами в толще стены и его остатки прослеживаются от самого основания на всю сохранившуюся 20-метровую высоту стены⁴⁷. Такая монументальная стена, в добротной кладке которой не чувствуется никаких признаков спешки, вряд ли могла быть возведена в период длительных политических неурядиц, безусловно сказавшихся на экономике города. Время возведения южного отрезка четвертой стены еще предстоит выяснить, но некоторые черты (размеры кирпича, внутрстенный коридор) сближают ее с северной стеной III в. до н. э.

Археологические материалы последних лет не дают оснований опровергать отождествление Мараканды с городищем Афрасиаб. Они позволяют с уверенностью говорить о жизни на северо-западном и южном участках городища и подтверждают городской характер поселения середины I тысячелетия до н. э., размеры и структуру которого предстоит выяснить. В последующие века была обжита вся территория Афрасиаба и возведены мощные оборонительные сооружения.

G. V. Chichkina

SUR L'EMPLACEMENT DE MAROKANDE

Résumé

En raison de ce que ces derniers temps certains archéologues mettent en question la localisation de la Marakande des auteurs grecs sur le territoire de l'ancien Samarkande — ville antique Afrociab la précision du temps de l'apparition de la ville sur ce terrain se revête d'une extrême importance. Sur de grandes surfaces de la ville antique les dernières années on a découvert et exploré les couches du milieu du I^e millénaire avant notre ère. A part cela on a découvert les vestiges des fortifications se rapportant à deux périodes — celle du milieu du I^e millénaire avant notre ère et celle du IIIe siècle avant notre ère. Ces fortifications englobaient au moins un quart nord-ouest de l'Oppidum.

Les matériaux obtenus durant les fouilles prouvent l'existence d'une grande ville sur le territoire de l'ancien Samarkande en période antérieure à l'invasion d'Alexandre le Grand en Asie Centrale.

⁴⁴ С. К. Кабанов. Ареал и эволюция..., где на рис. 1 представлены два периода городской стены.

⁴⁵ М. Пачос. Из раскопок..., стр. 21, 25.

⁴⁶ М. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба, стр. 15.

⁴⁷ Камышовые прокладки в среднеазиатском строительстве широко применялись в период средневековья. Но в данной связи интересно сообщение Геродота о способе возведения стен Вавилона с камышовыми плетенками через каждые 30 кирпичей (Геродот. I, 179), свидетельствующее о значительной древности этого приема.